

очарование

ЛИЗ КАРЛАЙЛ

Леди-
служанка

Очарование (АСТ)

Лиз Карлайл
Леди-служанка

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Карлайл Л.

Леди-служанка / Л. Карлайл — «Издательство АСТ»,
2004 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-137109-8

Сказать, что у замка Кардоу дурная слава, — не сказать ничего. Соседи уверены, что в нем на каждом шагу блуждают злобные привидения, а дядюшка владельца, отставной майор, выпивает с истинно армейским размахом. Слуги панически бегут. Не имение, а сущий ад... пока в нем не водворится новая экономка, молодая вдова Обри Монтфорд. Твердой рукой она наводит порядок... и вдруг майора находят убитым, и в замок возвращается изрядно раздраженный хозяин. Джайлз, лорд Уолрейфен, люто ненавидит родовое гнездо и как-то не склонен верить, что дядюшку убили призраки. А очаровательная экономка, по его мнению, слишком много скрывает. Пора разобраться в происходящем...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-137109-8

© Карлайл Л., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лиз Карлайл
Леди-служанка
Роман

Любимому мужу

Liz Carlyle
A Deal with the Devil

* * *

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© S.T. Woodhouse, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Пролог

Зима на побережье Сомерсета, может, и вызывает у кого-то умиление своеобразной суровой прелестью, но Обри Фаркварсон к таковым не относится.

Крестьяне местных деревень в далеком 873 году, доведенные до разорения, голодные и изможденные, сложили пирамиду из камней на холме над Бристольским заливом, чтобы было откуда наблюдать за врагом, надвигавшимся с севера. Шли годы, угроза не исчезала, и постепенно пирамида превратилась в смотровую башню, которая затем разрослась до замка Кардоу – так называлась скала, на которой он стоял.

Ходили легенды, что камни замка скреплены слезами и кровью множества погибших. Во Вторую датскую войну замок подвергся длительной осаде, и тех, кто удерживал его, викинг Гантрум с приспешниками жестоко истязал. Особенно прославился Мангус Уолрейфен по прозвищу Ворон Смерти, которое он получил за украшавшую его корабль вырезанную из дерева огромную черную птицу с широко распростертыми крыльями – стервятника, готового, казалось, броситься вниз, на ничего не подозревающую жертву.

Захватив замок, Гантрум позволил своим воинам грабить, насиловать и убивать его обитателей. Мангусу приглянулась прелестная наследница Кардоу, белокурая голубоглазая саксонская девушка по имени Эрменгильда, и он взял ее в жены. Замок и деревня были переименованы, и Мангус с комфортом там расположился.

В течение двух лет викинги грабили Уэссекс, Мангус насиловал свою жену, а Эрменгильда покорно терпела. В конце концов король Уэссекса, которого через годы назовут Альфредом Великим, заставил викингов-язычников покориться не только Англии, но и христианству. Потерпев позорное поражение, Гантрум покинул Кардоу, прихватив приверженцев, в том числе и Мангуса. Тот оставил жену на третьем месяце беременности, но поклялся вернуться.

За время его отсутствия замок Кардоу превратился в прекрасно укрепленную твердыню, однако для того, что задумала Эрменгильда, высокие зубчатые стены были не так уж необходимы. Увидев, что корабль мужа входит в залив, она, спрятав острый кухонный нож в складках платья, сбежала вниз ко рву, на подъемном мосту, изобразив радость, обняла Мангуса и вонзила ему нож между лопаток. Так закончился – во всяком случае, по легенде – первый из множества неудачных браков в замке Кардоу.

Эту историю среди других Обри Фаркварсон слышала, пока ехала из Бирмингема. Ее попутчик – военврач, сидевший напротив в почтовом дилижансе, – как истинный бристонец с удовольствием всю дорогу плел небылицы, развлекая пассажиров. Когда прибыли в Майнхед, Обри поблагодарила его и отправилась на поиски гостиницы. Оказалось, что здесь она одна-единственная и настолько убогая, что Обри стало не по себе.

Хозяин гостиницы обрадовал ее сообщением, что та опоздала к экипажу, который был прислан из Кардоу, и часа два назад слуги майора Лоримера отказались дольше ждать. У хозяйина гостиницы имелся, конечно, наемный экипаж, но удовольствие было недешевым. Обри вздохнула, но выбора у нее не было, и, достав из кошелька монеты, отправилась навстречу своей судьбе.

Когда экипаж, свернув с мощеной дороги, пересек осыпавшийся ров и медленно пополз к вершине скалы, Обри, придвинувшись ближе к окну, протерла кулачком запотевшее стекло и взглянула вверх. Замок, видневшийся на вершине, производил жуткое впечатление: ни дать ни взять иллюстрация к одному из романов миссис Радклиф, разве что не хватало стаи ворон, взмывающих к черному облаку на свинцовом небе.

И опять ей вспомнилась мрачная легенда об Уолрейфене, и Обри, вздрогнув, отвернулась от окна. Кучер попытался тем временем вписаться в следующий поворот, но плохо пружинивший экипаж, внутри которого стоял кислый запах отсыревшей кожи и гниющего дерева,

покачнулся, а его колеса провалились в грязь по самые оси. Обри не горела желанием провести в замке, словно в заточении, следующие десять лет жизни, и, безусловно, не хотела она и везти ребенка в такое мрачное место. С противоположного сиденья на Обри широко раскрытыми глазами смотрел Айан, очень бледный и явно переутомленный. О чем только она думала, пускаясь с пятилетним ребенком бог знает куда? Переутомление, несомненно, только ухудшит его состояние. Конечно, можно было бы оставить его дома, но не было никого, кому она могла бы доверить своего ребенка.

– Мама, а этот человек точно даст тебе работу? – спросил он тихо. – Я не думал, что заболел в Мальборо. Может, сказать этому майору, что виноват я?

Наклонившись вперед, Обри пригладила блестящие черные волосы мальчика, такие же, как у ее отца, да и имя тоже – она не решилась его изменить. Ребенка с легкостью убедили в необходимости взять новую фамилию и забыть, что когда-то у него была другая, не очень сложно было исправить и шероховатости его произношения, убрать провинциальный акцент и выдать просто за одного из уроженцев Джорджии, оставшихся без отца. Но чтобы изменить имя...

Нет, Обри не смогла пойти на это. Кроме того, сегодня его имя, возможно, станет их помощником, хотя она очень надеялась, что до этого не дойдет. Во всяком случае, она сделала все возможное, чтобы у мальчика над головой была крыша, а ищейки потеряли их след. Замок Кардоу, заброшенный и неприступный, подходил для этой цели как нельзя лучше.

Обри обняла сынишку и прошептала:

– Ты ни в чем не виноват, малыш. Все будет хорошо. Я уверена, что майор Лоример даст мне работу, и у тебя будет и дом, и еда.

Айан успокоился и даже закрыл глаза.

Вскоре экипаж захохотал по булыжной подъездной дорожке. Высоко вверху, в середине арки над въездом, сквозь узкое окно пробивался слабый свет. Их заметили, и массивная металлическая старинная решетка, которая закрывала въезд, поднялась со ржавым скрипом и треском. Обри обняла сынишку и посмотрела вверх, по коже у нее побежали мурашки: что, если эта громадина сорвется прямо им на крышу?

Но нет, обошлось. Кучер-горбун высадил их возле привратничкой, выгрузил их дорожные корзины и забрался на козлы. Обри едва удержалась, чтобы не броситься к нему и попросить не уезжать. Дождь опять полил как из ведра, и кучер торопился поскорее вернуться обратно по опасной дороге, пока ее совсем не развезло. Крепко взяв малыша за руку, Обри подошла к дому и постучала в дверь молотком.

– Мне ничего не сказали о ребенке, – удивленно заметила служанка, впустив их в прихожую. – Дело в том, что Певзнер, дворецкий, вместе с лакеями отправился в «Королевскую гавань» промочить горло, а я прямо не знаю, что делать.

«В такое время? Странно», – подумала Обри, но все же улыбнулась, и мысленно осенив себя крестным знаменем, солгала:

– Я, наверное, забыла упомянуть об Айане в своем письме к майору Лоримеру. Но мальчик не доставит никому неприятностей. Могу я спросить, как ваше имя?

– Бетси, мадам.

– Я буду очень вам благодарна, Бетси, если позволите погреться мальчику у очага на кухне, пока я поговорю с майором. Он просто тихонько посидит где-нибудь в уголке.

– Полагаю, это возможно, – не очень уверенно сказала Бетси, разглядывая мальчика. – Проблема в другом: вас ожидали до вечернего чая, а позже майор, как правило, никого не принимает.

– К сожалению, плохие дороги – вот почтовый дилижанс и задержался, – пробормотала Обри, и на сей раз это была истинная правда.

Бетси отдала их мокрые плащи подошедшей служанке и чуть подтолкнула к ней мальчика. Девушка с простодушным лицом улыбнулась и взяла ребенка за руку. Судя по толстому слою пыли, здесь, в Кардоу, мало кого принимали. Обри быстро поцеловала Айана в щеку, и служанка повела его к лестнице в противоположном конце холла.

В соответствии с ее новым общественным положением Обри не получила приглашения в гостиную, и ей предложили подождать на жесткой черной скамье в холле, пока Бетси не доложит хозяину о прибытии гостей. Обри, оставшись одна, постаралась успокоиться и оглядеться.

В просторном сводчатом холле пахло сыростью, гнилью и мышами. Можно представить, сколько грязи скопилось за огромными гобеленами, если на карнизе, поддерживавшем галерею, красовалась паутина величиной с парус. Два огромных камина, похоже, не чистили со времен викингов, а мраморные полки над ними толстым слоем покрывала копоть. Над южным камином висел щит с гербом: черный ворон с распростертыми крыльями на кроваво-красном фоне, который держал двух львов на задних лапах. Что ж, Уолрейфены передали суть своего рода четко и ясно.

И все же кое-какие изменения Кардоу за несколько веков претерпел. Пол из каменных плит покрывали турецкие ковры, пусть и протертые теперь до дыр, а мебель выглядела так, будто была изготовлена еще во времена правления Вильгельма Оранского и Марии Стюарт. Половина стен была завешана гобеленами, а другую половину украшали панели времен короля Якова I, то есть начала XVII века, с замысловатой резьбой по дубу, почерневшей и почти неразличимой.

Отвлекли Обри раздраженные голоса: словно где-то внизу кто-то спорил, а через мгновение по дому разнесся низкий громоподобный мужской голос:

– Скажите ей, что это проклятое место уже занято! Вот так! А теперь пойдите вон и заберите свой поднос. Это месиво даже свиньям не годится!

Послышалось бормотание, стук посуды, а затем тот же голос:

– Что непонятно? Занято, я сказал! Убирайтесь, черт побери! И не смейте возражать!

Опять послышался стук посуды, кто-то что-то тихо проговорил, а в ответ раздалось:

– И ребенка тоже уберите! Уже половина пятого, и, черт побери, если нет нормальной еды, дайте хоть спокойно выпить виски.

Кто-то все же продолжал спорить, но на сей раз хозяин не выдержал и с диким воплем что-то швырнул в собеседника: раздался звук разбившегося стекла.

Не раздумывая, Обри вскочила со скамьи и бросилась по лестнице вверх. Широкая, но неосвещенная галерея упиралась в коридор, в глубоких полукруглых каменных нишах которого располагались двери, и под одной из них виднелась полоска света. Туда без колебаний и ворвалась Обри.

Возле самой двери Бетси, присев, собирала осколки фарфора и складывала в фартук. Комнату освещал лишь слабый огонь камина, и, всмотревшись в темноту, Обри поняла, что это библиотека, а потом повернулась к девушке:

– С вами все в порядке? Вам помочь?

– А вы кто такая, черт побери, чтобы вот так врваться сюда? – окликнули ее из темноты.

– Майор Лоример?

Когда глаза привыкли к полумраку, она увидела в дальнем и самом темном углу комнаты кресло, а в нем – фигуру мужчины. Но вот он медленно поднялся, взял то ли палку, то ли трость и, сильно хромя, двинулся к ней.

Служанка съежилась, но продолжила выбирать из ковра застрявшие осколки фарфора. Остановившись в нескольких шагах от Обри, мужчина с ног до головы окинул ее единственным глазом: другой был просто сморщенным комком плоти, провалившимся в глазницу, и походил на большой грязный пупок. Левая рука майора была неподвижна, и половину ноги заменяла деревянная культя. Он был старше, чем ожидала Обри, к тому же основательно пьян.

– Проклятье! Кто вы? – уставился он на незваную гостью.

– Добрый вечер, майор Лоример, – ровным голосом поздоровалась Обри, смело глядя в его единственный глаз. – Я миссис Монтфорд, новая экономка Кардоу.

– Что? – буркнул он, наклонившись к ней. – Дайте-ка мне вашу руку.

Обри неуверенно протянула руку, и майор, взяв ладонь большим и указательным пальцами, словно это был кусок дерева, фыркнул:

– Ха! Если вы чертова экономка, то я архиепископ Кентерберийский.

– Да нет, не чертова, а самая обычная экономка, – огрызнулась Обри, не желая больше слушать, как он чертыхается. – Неужели, сэр, в вашем лексиконе нет других выражений?

Мгновение майор, опешив, просто стоял истуканом и смотрел на нее единственным глазом, потом закричал на Бетси:

– Вон! Пошла вон, тупая корова!

Каждое слово он сопровождал ударом своей палки.

– Сейчас же прекратите! – воскликнула Обри, вырвав у него палку, и Бетси торопливо покинула комнату, позвякивая осколками разбитой посуды в фартуке.

– А теперь послушайте, мисс... миссис... как, черт побери, ваше имя? – Майор выхватил палку из ее рук и тяжело оперся на нее.

– Монтфорд, – отчетливо повторила Обри.

– Для начала, миссис Монтфорд, сколько вам лет, черт побери, и что это за мальчик, которого вы притащили с собой, чей он? Вашего последнего работодателя?

– Нет, моего покойного мужа. – Эта ложь далась ей с трудом, и краска стыда залила лицо. Зато со второй было проще. – Мне двадцать восемь.

Майор, словно почувствовав ее неуверенность, взял ее вторую руку, и в свете огня блеснуло обручальное кольцо.

– Он работал на шахте, мы из Нортамберленда, – пояснила Обри.

Майор выпустил ее руку и заметил:

– Вы сильно смахиваете на шотландку.

– Я... да, возможно: моя бабушка была из Стерлинга.

– Впрочем, все уже не важно: место занято.

– Вы же обещали это место мне, майор Лоример! – Упрямо тряхнув головой, Обри полезла в карман и достала фальшивую рекомендацию. – Вы потребовали, чтобы я привезла письмо от моего последнего работодателя, и, если оно вас устроит, обещали сохранить место за мной.

– Ну и бог с ним, с письмом: все равно оно меня не устроит, – оборвал ее майор.

– Но вы не соизволили даже взглянуть на него! – возмутилась Обри, ткнув конверт ему в лицо. – Я проделала огромный путь из Бирмингема, чтобы работать на вас.

– Не на меня! – рявкнул Лоример и, выхватив из ее рук послание, захромал к письменному столу у окна. – На этого окаянного... я хочу сказать, на моего племянника, на Джайлза. Это его замок, не мой.

Лоример швырнул конверт на стол, а Обри заметила:

– Всем известно, что хозяин здесь граф Уолрейфен, но мне говорили, что его сиятельство редко посещает Кардоу. А теперь вы, может, объясните мне, как вам удалось взять кого-то на место, которое было предложено мне не более чем три дня назад?

– У вас острый язычок, миссис Монтфорд, – усмехнулся майор.

– Мне не нравятся ваши шутки, майор Лоример, вот и все! – твердо заявила Обри. – Кроме того, совершенно очевидно, что замку необходима экономка. Имеет ли представление его сиятельство о том, в каком состоянии сейчас его родовое гнездо?

– Даже если бы и знал, это ничего бы не изменило, – разразился смехом майор. – Джайлзу нет дела до этих развалин. А теперь, деточка, ступайте. На сегодняшнюю ночь Бетси найдет

место для вас и ребенка, а завтра отправляйтесь восвояси. Здесь и слуги-то, которые пьют мое виски и вмешиваются в мои дела, не нужны, не то что экономка.

Обри поняла, что майор на сей раз говорит серьезно. Лоример был старше ее отца, но у него еще осталась военная выправка, и, хотя вид производил отталкивающее впечатление: весь пропитан стойким запахом спиртного, шейный платок съехал набок, лицо заросло щетиной, – в нем еще сохранилось понятие о чести и ощущалась властность.

Ничего другого не оставалось, и она, глубоко вздохнув, открыла сумочку и достала последний козырь – письмо, края которого завернулись от времени.

– Что это? – Удивленно посмотрел на нее Лоример, когда она протянула послание. – Хм... А это от кого?

– От вас, сэра, – свидетельство слова чести как офицера и джентльмена. Вы написали это моей матери, когда она осталась вдовой, и предложили свою помощь, если мы будем в ней нуждаться.

С непроницаемым видом майор сел в кресло у стола и, развернув письмо, повернулся к свету камина.

– Ах ты, боже мой, бедная Дженет! – прошептал Лоример после долгого молчания. – Значит, она умерла?

– Да, сэра.

Обри подошла к нему, и, вложив письма одно в другое, бросил оба в ящик стола.

– А старшая девочка? Она не может вам помочь?

– Мюриел всегда была болезненной и умерла вскоре после мамы, – ответила Обри.

– О боже! – тихо сказал майор, прижав руку ко лбу. – Я же сказал, что вы похожи на шотландку: такие же глаза и волосы, как у вашей матери.

– Да, – кивнула Обри.

– Стало быть, у вас неприятности, – пробубнил майор, – и вы ожидаете, что я сумею вам помочь... К сожалению, вы явились не по адресу. Времена изменились: я всего лишь сломленный жизнью старый калека, которому едва хватает денег на виски и проституток.

– Сэр, мне нужна только работа, только возможность прокормить себя и ребенка, – взмолилась Обри.

– Знаете, – с усмешкой проговорил майор, уставившись в темноту, – это из-за Айана я приобрел эту отвратительную привычку: не проститутки, нет, – виски. Он называл его золотом Глазго.

– Да, отец ценил хорошее виски.

– Это несложно при наличии денег, детка. – Прищурился единственный глаз, майор с подозрением посмотрел на Обри. – Зачем вам работа?

– Так вышло, – ответила она не сразу. – Пожалуйста, не спрашивайте меня больше ни о чем и, прошу вас, не говорите никому, что знаете меня.

– Господи, да я вовсе вас не знаю!

– Конечно! – обрадовалась Обри. – Я просто миссис Монтфорд, новая экономка.

Лоример нагнулся, извлек откуда-то полупустую бутылку и медленно наполнил грязный стакан.

– Светлая память вашему отцу. Думаю, зря он тратил свою жизнь на меня.

– Сэр, ну зачем вы так?

– Да что вы знаете! – воскликнул майор. – Дайте же подумать, черт побери! У меня в голове какая-то мешанина.

– Сэр... – попыталась успокоить его Обри, тяжело вздохнув.

Но он продолжил, запустив пятерню в волосы:

– Прошлой весной газеты писали о каком-то скандале... Или это было год назад? «Знакомое имя», – помню, подумал я. Ведь не такой же я пропойца, чтобы это забыть. Значит, миссис Монтфорд? Могу поставить десять гиней, что это тоже ложь.

– Прошу вас, сэр, не спрашивайте меня больше ни о чем!

– О, не буду! – успокоил ее майор. – Ничего не хочу знать ни о вас, ни о тех обстоятельствах, которые привели вас сюда: просто выполню свой долг перед вашим отцом. Вы меня поняли?

– Да, сэр.

– Девушке вашего происхождения не подобает быть служанкой, – глядя на огонь, заметил майор.

– Но почему? Работа как работа. К тому же у меня есть опыт управления большим хозяйством.

– Меня ничуть не волнует, умеете ли вы отличить каток для белья от бутылки! – фыркнул майор. – Я бы уволил почти всех слуг, если бы Джайлз позволил. Зачем столько бездельников? А теперь мне придется возиться еще и с вами!

Обри промолчала, и майор, тихо выругавшись, неуклюже поставил бутылку, вытер рот рукавом рубашки и заявил:

– Ладно, теперь, детка, давайте договоримся. Я хочу, чтобы мое виски было всегда холодным, а вода в ванне горячей, чтобы чай мне подавали в четыре часа, а обед – в шесть. Здесь. На подносе.

– Да, сэр, – с облегчением выдохнула Обри.

– И я не желаю ни видеть, ни слышать ни вас, ни кого бы то ни было, если только того не требуют срочные дела или французы не входят в залив. Не спрашивайте у меня, как управлять этим домом, а также именем в целом: я не имею ни малейшего представления об этом.

– Да, сэр, – кивнула Обри.

– Я не завтракаю, – глубоко вздохнув, продолжил Лоример, – и не принимаю посетителей. Почту вскрывайте сами, и если это счет, оплатите его; если речь идет о делах имения, обсудите их с Джайлзом; если это что-то еще – сожгите. Если я возвращаюсь из деревни с проституткой – это мое дело, если напьюсь до бесчувствия и обгажусь – тоже, если захочу раздеться донага и с голой задницей бегать по паркету – никто не смеет мне препятствовать. Что это будет, миссис Монтфорд?

– В-ваше дело, сэр?

– Вы чертовски сметливы. А если это кому-то не нравится, то что? Он может отправляться ко всем чертям. Вы все поняли, миссис Монтфорд? И все еще хотите работать здесь?

– Да, сэр.

– И еще одно, миссис Монтфорд, – саркастически усмехнулся Лоример. – Я ненавижу детей, так что этот ваш сопливый щенок не должен попадаться мне на глаза, поняли? Если мальчишка приблизится ко мне, то, клянусь богом, научу его самым гадким ругательствам.

– Да, сэр, – пролепетала в очередной раз Обри, чувствуя, что ноги отказываются ей служить. – Обещаю, что буду держать его в стороне от вас. Что-нибудь еще?

– Да! – хрипло расхохотался майор. – Вы должны знать, что через два дня вся проклятая деревня будет шептаться, что вы очередной мой лакомый кусочек из Лондона. Так говорят всякий раз, когда сюда нанимается хорошенькая женщина.

Обри почувствовала приступ тошноты, а Лоример прогремел, опрокидывая в себя полный стакан виски:

– Вот так! Теперь у вас есть великолепная работа, миссис Монтфорд, которая наверняка доставит вам много радости.

– Б-благодарю вас, сэр.

Майор Лоример икнул, и Обри, неловко присев в реверансе, поспешила уйти.

Глава 1

Сентябрь 1829 года

Стоял чудесный осенний день, и все окна магазинов и домов Мейфэра были распахнуты настежь. Служанки по всей Хилл-стрит, пользуясь случаем, мели и чистили парадные лестницы, пока еще пригревало солнце; кучера проезжавших экипажей охотно снимали шляпы, а вдоль тротуаров выстроилось с полдюжины лакеев, вышедших подышать свежим воздухом, пока не было никаких поручений.

Библиотека графа Уолрейфена, расположенная в углу здания на третьем этаже, великолепно подходила для того, чтобы наслаждаться погожим днем. Все четыре оконные рамы были подняты, за спиной графа раздавалось воркование голубей, чистивших перышки, но, в отличие от прислуги, Уолрейфен не испытывал никакого удовольствия – он вообще редко бывал доволен, – и поэтому, бросив письмо, которое читал, на стол, сердито взглянул через комнату на своего секретаря и приказал:

– Огилви! Да прогоните же наконец голубей с этого подоконника!

Секретарь побледнел, но все же быстро поднялся из-за письменного стола с линейкой в руке, бросился к окну и принялся махать руками, причитая:

– Кыш, кыш! Пошли отсюда, чертенята!

Коротко поклонившись, он снова занялся своей работой, а Уолрейфен, почувствовав вдруг себя идиотом, тихо кашлянул. Возможно, молодой Огилви еще и не был опытным служащим, но разве обязан он гонять голубей? Уолрейфен уже собрался было извиниться, но в этот момент порывом ветра распахнуло папку у него на столе, и корреспонденция за последние два года разлетелась по комнате – этакое торнадо из листов писчей бумаги. Граф громко выругался, и пока они вдвоем собирали бумаги, поворчал:

– Огилви, разве недостаточно того, что эта женщина досаждаёт каждую неделю своими разглагольствованиями мне? Похоже, теперь, послания миссис Монтфорд читает еще и дьявол.

Но, слава богу, ветер утих, и Огилви, постучав стопкой бумаг о стол, чтобы выровнять ее, протянул папку Уолрейфену:

– Ничего не пропало, сэр. Все здесь.

– Этого я и боялся, – криво усмехнулся граф.

Секретарь с улыбкой вернулся к своей работе, а Уолрейфен открыл папку и стал перечитывать лежавшее сверху письмо.

«Замок Кардоу,
21 сентября

Милорд, как я объясняла в своих четырех последних письмах, необходимо срочно принять решение относительно западной башни. Не получив от Вас ответа, я взяла на себя смелость послать в Бристоль за архитектором. Эксперты из компании „Симпсон и Верней“ сообщили, что по внешней стене проходит глубокая трещина и основание сильно смещено. Прошу вас, сэр, ответьте: снести ее или укрепить? Уверяю Вас, я понимаю, что это не мое дело, но решение должно быть принято незамедлительно, пока она не обрушилась и кого-нибудь не придавила.

*Миссис Монтфорд,
экономка имения Вашей светлости».*

Господи, неужели это уже пятое ее письмо по поводу этой рухляди? Она что, помешалась на этой проклятой башне? У Уолрейфена не было ни малейшего желания размышлять над этим. Правда, она наняла архитекторов. Да, при такой экономке вполне можно было вообще ничего не предпринимать и просто забыть, как ему и хотелось, о Кардоу и обо всем, что с ним связано. Это было бы великолепно!

Так. Идем дальше. А это что? Ее очередная жалоба – на сей раз по поводу дяди Элиаса. Бедный старик, вероятно, не знает ни минуты покоя.

«Милорд, Вашему дядюшке становится все хуже: похоже, что он страдает от разлития желчи. Он никого к себе не подпускает, а на прошлой неделе запустил в доктора пустую бутылку, когда тот усаживался в экипаж. Но поскольку с его зрением происходит то же самое, что и с печенью, бутылка, слава богу, не попала в цель. И все же я умоляю Вас обратить на него внимание и убедить его...»

– Мадам, – пробормотал Уолрейфен, обращаясь к листу бумаги, – уж если вы со своей дотошностью не сумели его ни в чем убедить, то где уж мне.

– Прошу прощения, милорд? – Оторвавшись от работы, взглянул на него Огилви.

Уолрейфен двумя пальцами поднял письмо, как будто это был грязный носовой платок.

– Ах, экономка, – понимающе усмехнулся молодой человек.

Да, экономка, постоянный источник раздражения. Грустно улыбнувшись, Уолрейфен убрал письмо в папку, а затем, непонятно почему, вытащил из стопки другое, отправленное в марте два года назад, которое читал с удовольствием.

«Милорд, Ваш дядя опять меня выгнал. Прошу Вас, сообщите о своем решении: мне остаться или уйти? Если я должна уйти, то хотела бы получить один фунт восемь шиллингов шесть пенсов: столько я заплатила аптекарю на прошлой неделе, когда Ваш дядя нарочно проглотил ключ от ящика с деньгами. (Мы обменялись бранными словами, когда у него возникло желание купить в деревне незаконное бренди.) Если же я должна остаться, то, прошу Вас, незамедлительно напишите ему: ключ от ящика с деньгами нужно вернуть, иначе не на что будет купить даже продукты».

Бедный дядя Элиас! Стоило Уолрейфену представить себе, как старик копается в содержимом горшка, а миссис Монтфорд в нетерпении стоит рядом, его одолевал гомерический хохот. Вот и сейчас он рассмеялся, не обращая внимания на недоуменный взгляд Огилви, и взял другое письмо. О да! Это было написано ранней весной, когда она перевернула в замке все вверх дном, и ему даже стало любопытно, на что теперь похожа эту рухлядь.

«Милорд, знаете ли Вы, что в нижнем ящике комода, который стоит в Вашей прежней туалетной комнате, лежат шесть дохлых жаб? Бетси сказала, что, уезжая в Итон, вы отдали строгий приказ ничего не трогать. Но поскольку это было в 1809 году, а сейчас 1829-й, я подумала, что лучше все-таки очистить комод. Могу ли я добавить, что, к сожалению, от упомянутых жаб теперь осталась только пыль? Сочувствую вашей потере.

Миссис Монтфорд.

P. S. Ваш дядя опять выгнал меня. Прошу, скажите же наконец: мне уйти или остаться?»

Уолрейфен отбросил в сторону последнее письмо и крепко сдвинул переносицу большим и указательным пальцами. Он не знал: смеяться или, черт возьми, плакать. «Уходите, скатертью дорога, миссис Монтфорд!» – хотелось крикнуть, но в то же время что-то в ней было необычное и, если признаться, он не хотел, чтобы она ушла. Нет, черт возьми, не хотел. Эта дамочка всегда выводила его из себя и одновременно забавляла своей настойчивостью. Ее дерзость, а порой

и резкость удивляли, вызывали недоумение: так вести себя могла позволить только светская дама, но никак не прислуга.

В минуты откровенности с самим собой Уолрейфен признавал: эта женщина умела внушить ему чувство вины за наплевательское отношение к собственному имуществу и людям, которые от него зависят. Каждое новое ее письмо становилось все более жестким, требовательным и въедливым. Обычно он не утруждал себя ответами, но это ничуть ее не останавливало: с завидным упорством она присылала очередное. Ему следовало отправить ее куда подальше при первом же проявлении дерзости, но почему-то он не сделал этого.

Ее письма подчас не только заставляли его смеяться, а такие моменты в его жизни случались весьма редко, но и оживляли в памяти самые яркие и приятные эпизоды из детства. Странно, но порой он почти ощущал, как благодаря миссис Монтфорд возвращается туда, где было хорошо и беззаботно.

Уолрейфен взял еще одно письмо – от мая прошлого года, – с уже загнущимися уголками, и прочитал знакомый пассаж.

«Нагорный участок в этом году изумителен, милорд! Мне бы так хотелось, чтобы вы увидели его. Китайские розы обещают буйное цветение. Дженкс задумал построить неподалеку беседку...»

Зачем она писала ему об этом? И почему он снова и снова перечитывал такие письма? Уже не в первый раз Уолрейфен задавался вопросом, как выглядит его экономка. Он не знал, сколько ей лет, но из ее писем следовало, что она молода и полна энергии. Дядя Элиас всегда предпочитал выбирать служанок с соблазнительными задницами, а их трудолюбие его мало интересовало, и Уолрейфен подумал, не затащил ли похотливый старый козел к себе в постель и эту.

Вероятно, затащил, раз до сих пор не выгнал. Ни одна служанка не стала бы терпеть этого пьянчугу за то ничтожное жалованье, которое получала миссис Монтфорд. Разве кто-то способен на такое безрассудство?

Вопрос заставил Уолрейфена почувствовать что-то такое, чему он не знал названия. Безусловно, он не хотел, чтобы кто-то был доведен обществом или нищетой до состояния, которое считал невыносимым.

От раздумий разболелась голова. О господи, эта дотошная миссис Монтфорд сведет его с ума! Ну скажите на милость, какое ему дело до западной башни? Да и кто такой Дженкс, который собрался строить беседку?.. Почему ему вообще до всего этого должно быть дело? Если миссис Монтфорд так хочется, пусть сама обо всем и заботится. Да, на его голову обрушится ледяной поток заносчивых писем, а вслед за ним град счетов и квитанций, но в Кардоу все будет приведено в порядок.

– Огилви, – резко бросил он секретарю, когда пронзительная боль вонзилась ему в висок, – опустите шторы и позвоните, чтобы принесли кофе.

– Да, милорд. – Огилви удивленно взглянул на хозяина, но не успел подняться, как дверь распахнулась и дворецкий объявил:

– Лорд Венденхайм!

Тут же в комнату вошел Макс, друг Уолрейфена, и, стягивая перчатки для верховой езды, воскликнул:

– Per amor di Dio!¹ Ты не одет!

Сухощавый, смуглый, сутуловатый Макс всегда говорил раздраженно и высокомерно. То, что Уолрейфен значительно выше его по социальной лестнице никогда его особенно не беспокоило, даже в те времена, когда он был скромным полицейским инспектором, а Уолрейфен –

¹ О господи! (итал.)

одним из самых влиятельных членов палаты лордов. Макс был ревностным поборником равноправия, и если видел перед собой дурака, то и обращался с ним как с дураком.

– Ты идешь со мной? – Макс сморщил свой большой нос.

– Парад нарядов, милорд! – с противоположного конца комнаты насмешливо заметил Огилви.

– Вряд ли они начнут без нас, старина, – натянуто улыбнулся Уолрейфен, – но я поднимусь наверх и быстро переоденусь. Не заметил, как пролетело время.

Макс опустил взгляд к открытой папке на столе Уолрейфена и длинными смуглыми пальцами взял лежавшее сверху письмо.

– Опять эта экономка! Право, Джайлз, когда ты перестанешь играть в кошки-мышки с этой дамочкой?

– Это мое дело! – буркнул Уолрейфен, разминая затекшие от долгого сидения ноги.

Макс последовал за ним с письмом в руке в гардеробную, и, пока камердинер помогал хозяину переодеться и завязать шейный платок, усевшись в любимое кресло Джайлза, читал вслух эту чертову бумагу, а закончив, заметил:

– Знаешь, она меня заинтриговала! Хотелось бы познакомиться с ней.

– Спокойные воды еще глубоки? – расхохотался Уолрейфен.

– О, эти водовороты! – заметил Макс, вскинув черные брови. – В них все бурлит, желаний немерено, и все противоречивые...

– Миссис Монтфорд всего лишь экономка, причем высокомерная как леди, – сказал Уолрейфен, расправляя перед зеркалом складки шейного платка.

– Так возьми и уволь ее.

– И на кого я взвалю эту работу? – усмехнулся Уолрейфен. – Да и за что ее увольнять? Ничего предосудительного она не совершила. И вообще, какое мне до нее дело?

– Ну, судя по тому, как бегают твои глаза, дело все-таки есть. – Поднявшись, Макс открыл дверь. – Так что освободить свою жизнь от... Как ты это называешь? Благотворное невмешательство? Да, от этого самого, благотворного, тебе вряд ли удастся. Соболезную, друг мой!

– Оставь в покое это проклятое письмо, и пойдем, – отозвался Уолрейфен раздраженно. – На улицах вокруг Уайтхолла уже, наверное, собралась толпа – не протолкнешься.

– Да, и кто в этом виноват?

Предсказание Уолрейфена оправдалось: когда они добрались до Чаринг-Кросс, пришлось локтями прокладывать себе дорогу в толпе. Подошло время перерыва, и клерки в черных мундирах привычным потоком хлынули из Вестминстера в ближайшие кафе. В коридорах конторы Макса тоже было оживленно: сновали туда-сюда полицейские в синей униформе и высоких фуражках; лестничные пролеты были запружены разного рода служащими, в том числе и дамами.

Сквозь весь этот хаос, громко переговариваясь, друзья в конце концов добрались до кабинета Макса, но он оказался занятым. У окна стояли леди и джентльмен и наблюдали за суматохой внизу. На звук открывшейся двери леди обернулась, но Джайлз и без того знал, что это Сесилия, молодая вдова его отца, со своим вторым мужем Дэвидом, лордом Делакортом.

– Добрый день, Сесилия, Делакорт, – поклонился Уолрейфен. – Какая неожиданность!

– Привет, Джайлз, дорогой, – отозвалась леди Сесилия. – И Макс! Мы очень надеялись дождаться вас.

Сесилия подошла к Уолрейфену и уже подставила, как обычно, щеку для поцелуя, но он не успел: из-за юбок леди неожиданно выскочил маленький мальчик и, бросившись между ними, затараторил:

– Джайлз! Джайлз! Мы видели сержанта Сакса, и он разрешил мне надеть его фуражку! Вы с лордом Венденхаймом тоже будете участвовать в параде?

– Нет, Саймон, – подхватил ребенка на руки Уолрейфен, – но я собираюсь произнести очень скучную речь. Знаешь, я бы тоже хотел такой мундир, как у Сакса. Особенно мне нравятся большие медные пуговицы: прямо горят на солнце.

Мальчик засмеялся, а Делапорт, отходя от окна, пояснил:

– Сесилия и Саймон очень хотели посмотреть церемонию присяги новой лондонской полиции. Надеюсь, мы вам не помешали?

Он хотя и обращался к Венденхайму, но смотрел на Джайлза.

– Конечно, нет, – успокоил его Макс.

– Вот и замечательно. Если у джентльменов расписание и тексты речей на руках, может, мы отвезем вас в Блумсбери в нашем экипаже? Саймон, забирайся ко мне на плечи, и пойдете вниз.

Мальчику не нужно было повторять дважды. Макс распахнул дверь, а Сесилия, улыбнувшись, взяла Уолрейфена под руку и тихонько сказала:

– Я так горжусь тобой, Джайлз, и чувствую себя любящей мачехой.

– Что вы такое говорите, Сесилия, – шепотом возразил Уолрейфен, пропустив всех вперед и глядя в ее добрые голубые глаза. – Какая вы мне мачеха? У вас теперь есть муж и дети.

– Но разве одно другому мешает? – удивленно взглянула на него Сесилия. – Я всегда заботилась о тебе. Нет, конечно, на роль матери я не претендую, но, может, как сестра...

Сесилия всегда себя так вела, как сестра, и это все, на что Джайлз мог рассчитывать теперь. В глазах церкви она была его матерью и, таким образом, не могла стать кем-то иным – именно этого добился его отец, женившись на ней, черт бы его побрал! А затем, словно этих мучений Джайлзу было мало, взял и скончался, а Делапорт, этот негодяй, недостойный целовать даже подол ее платья, ловко влез в ее жизнь. И вот что удивительно: он стал верным мужем и даже, как это ни странно, начал нравиться Джайлзу.

– Я старше вас, Сесилия, – напомнил Уолрейфен, пока они шли по лестнице. – Когда вы с отцом поженились, мне было двадцать три года, и я уже заседал в палате общин. Так что, по моему, продолжать называть себя моей мачехой по меньшей мере нелепо.

– Бедный, бедный Джайлз! – Сесилия остановилась и, мило надув губки, с легкой усмешкой похлопала его по щеке. – Хочешь ты того или нет, но мы трое – часть твоей семьи, и раз уж мы заговорили об этом, скажи: как поживает Элиас?

– Сесилия, министерство внутренних дел не место для леди, – проигнорировав ее вопрос, заметил Уолрейфен. – Не лучше ли вам отправиться на Керзон-стрит, где вам и положено быть?

– Слишком уж ты суров, дорогой! – рассмеялась Сесилия. – Ну как я могла это пропустить? Пиль никогда бы не смог протолкнуть этот закон через парламент без твоего влияния и упорной работы Макса. Все так говорят.

Возразить на это было нечего, и до охраняемой трибуны для зрителей они шли молча, чтобы присоединиться к публике, приветствовавшей взмахами рук только что созданную столичную полицию, проходившую парадом в новой униформе. В развевающихся плащах и башнеобразных фуражках лондонские полицейские представляли собой незабываемое зрелище. Скучные речи быстро кончились, новые офицеры принесли присягу, и приветственные аплодисменты смолкли. Распрощавшись с семейством лорда Делапорта, друзья отправились пешком по Аппер-Гилфорд-стрит.

– Она редкая женщина, не правда ли? – заметил Макс, когда Сесилия помахала им вслед.

Некоторое время Уолрейфен хранил молчание, потому что не было таких слов, которые бы точно характеризовали эту леди, потом спросил:

– Если уж речь зашла о редких женщинах, то где твоя жена?

– Дома в Глостершире, где же еще? – буркнул почему-то недовольно Макс.

– А как ты, дружище? Поедешь к ней? Город ведь скоро опустеет – охотничий сезон.

На Рассел-сквер к ним подбежал мальчишка-газетчик, но Макс отмахнулся от него.

– Наверное, поеду. Обычно мы проводили зиму в Каталонии, но с появлением младенца... Нет.

– Ты мог бы остаться в городе с Пилем, – предложил Уолрейфен.

– Он, возможно, тоже поедет домой, – покачал головой Макс. – Его отец при смерти.

– О! Значит, скоро он станет сэром Робертом? Титул взамен любимого отца. Он, наверное, посчитает это не слишком большой удачей.

– Ты чувствовал то же, когда умер твой отец? – Макс с любопытством посмотрел на друга.

– Его смерть потрясла нас всех, – после долгого молчания ответил Уолрейфен, уставившись куда-то вдаль. – У него было великолепное здоровье.

– Дружище, ты не ответил на мой вопрос.

– Ты что, так и остаешься полицейским инспектором до конца своих дней? – пробормотал Уолрейфен. – Нет, Макс, ничего такого я не чувствовал, когда умер отец. Мы с ним никогда не были близки, несмотря на усилия Сесилии, а с ней вообще почти не говорили о его смерти. И, положив руку на сердце, не могу сказать, что был очень огорчен, узнав, что его не стало. Удивлен, потрясен – да, но чтобы горевать, испытывать боль... нет. Из-за этого ты станешь хуже думать обо мне?

– Нет, конечно, – тихо сказал Макс и, к удивлению Уолрейфена, дружески похлопал его по спине. – Как я могу плохо думать о тебе – ведь ты мой друг. Просто я считаю, тебе не стоит оставаться здесь, в городе, одному, как ты собираешься.

На мгновение Джайлз задумался над его словами, но, по правде говоря, ехать ему было некуда. Сесилия, конечно, приглашала его в имение Делакурта в Дербишире, но ему казалось не по-джентльменски воспользоваться гостеприимством человека, в жену которого влюблен. Конечно, он всегда мог поехать в Глостершир к Макс и Кэтрин и провести сезон охоты у них в имении – друг готов был пригласить его, – но теплые и такие домашние отношения, царившие в их разросшейся семье, всегда вызывали у него чувство необъяснимой неловкости, как будто он вмешивался во что-то очень личное. Значит, оставался только Кардоу с его проблемами...

– У меня очень много дел, – ответил наконец Уолрейфен. – Столько всего нужно успеть до возобновления работы парламента. Существует теневая поддержка этой новой ассоциации радикальных реформ, и Пиль не зря обеспокоен. Равенство – прекрасная идея, и я в принципе поддерживаю ее, но все может выйти из-под контроля.

– Мой отец тоже когда-то поддерживал радикальное движение, – сказал Макс, – но получил за это пулю в голову. Так что, Джайлз, будь осторожен, иначе и твои благородные стремления приведут к чему-нибудь подобному. А я и вовсе окажусь в дурацком положении, когда мне придется разбираться, кто это сделал: виги, тред-юнионы, сборище радикалов или твоя собственная треклятая партия.

– Но, Макс, кто-то ведь должен беспокоиться о будущем Англии. – Пожал плечами Джайлз. – Это цель всей моей жизни.

– О, мой друг, – рассмеялся Макс, – жизнь – это не только работа! Есть еще семья, дети! Женись ты наконец, ведь пора уже подумать и о наследнике.

– Ну, на этот счет беспокоиться не стоит: у меня есть пара дальних родственников где-то в... не знаю где: возможно, в Пенсильвании. Если наследство окажется стоящим, одна из них вернется. Американцы корыстолюбивы до мозга костей.

– Но разве здесь, в Сомерсете, не найдется для тебя пухленькой хорошенькой девчушки? – рассмеялся Макс. – А кроме того, тебе нужно поехать в Кардоу и поставить, наконец, эту дерзкую экономку на место.

– Миссис Монтфорд? – тоже рассмеялся Уолрейфен. – Я с удовольствием задушил бы ее.

– Скажи-ка мне, приятель, – остановился Макс и с любопытством взглянул на друга, – эта твоя миссис Монтфорд молодая?

– Думаю, да, – равнодушно пожал плечами Уолрейфен. – Они всегда такие.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Их нанимает дядя Элиас: понимаешь, что я хочу сказать?

– Ах, значит, у нее есть еще обязанности, кроме ведения хозяйства?

– Ну, – неохотно признался Уолрейфен, – так было всегда, но ведь дядюшка уже немолод.

Однако я знаю, что они с миссис Монтфорд часто и ожесточенно ссорятся.

– Да? И откуда эти сведения? – поинтересовался Макс.

– От Певзнера, дворецкого. Думаю, миссис Монтфорд во все сует свой нос. Но так как дядя Элиас никогда мне не жаловался, можно предположить, что между ними что-то есть: майор не склонен к филантропии.

Некоторое время они молча шли по Беркли-сквер, потом Макс спросил:

– Как сегодня твоя нога, Джайлз? Мне кажется, ты немного хромаешь.

– Какое тебе дело до моей ноги? – проворчал Уолрейфен, притомившись от Макса и его рассуждений. – Хватит уже говорить об этой ерунде.

Макс удивленно посмотрел на него: о какой такой ерунде речь? О ноге? Об отце? О Кардоу? Вариантов множество – и ни одного приятного! Но, будучи хорошим другом, уточнять он не стал.

Глава 2

Сырую мрачную башню замка Кардоу, заваленную сломанной мебелью и разным хламом, прислуга уже давно обходила стороной. Северная же башня, смотревшая через залив на Уэльс, – совсем другое дело. На ее верхнем этаже даже сохранилось кое-какое ценное имущество Кардоу – возможно, потому, что слуги и жители деревни верили, что в замке обитают привидения.

Заключавшиеся в Кардоу браки имели обыкновение заканчиваться трагически. Так, в начале XVII века жена третьего графа бросилась из окна пятого этажа и разбилась. С тех пор немало слуг, которые с вытаращенными глазами нетвердой походкой поднимались на холм после вечера, проведенного в «Королевской гавани», видели призрак леди Уолрейфен, прогуливавшейся по парапету.

Осторожно открыв дверь, Обри высоко подняла фонарь и осветила чердак. Свет отразился от огромной круглой каменной рамы и немного ярче – от зеркального окна, вставленного в нее, но призраков видно не было.

– О-о боже! – прошептала Бетси, когда пламя неровно задрожало. – Как вы думаете, здесь есть летучие мыши, миссис Монтфорд?

– Ничего удивительного, если не только летучие, но и обычные мыши и пауки.

– Но самое страшное – летучие мыши, мэм!.. – дрожащим голосом проговорила Бетси. – Говорят, они высасывают из человека кровь.

– Ничего подобного: летучие мыши не пьют кровь, – храбро объявила Обри, хотя таковой себя не чувствовала и уже начала жалеть, что не осталась внизу, где им ничто не угрожало. – Мне нужны эти портреты, если они здесь, наверху, Бетси. Сколько их, вы сказали?

– Полагаю, не меньше полдюжины, мэм, – ответила служанка, отодвинув прочь старую детскую коляску и спугнув этим в темноте мышшь, отчего та запищала. – Но мы их не унесем: они все очень большие.

Веником, который принесла с собой, Обри смахнула завесу паутины, и словно по волшебству появился огромный портрет – по высоте больше ее роста.

– Святые небеса! Не хотите взглянуть? – шепотом обратилась она к Бетси.

– О, благодарю! – тоже прошептала та. – Думаете, это та, что бросилась из окна?

Нет, это была другая леди: в свободном платье, какие носили всего каких-нибудь сто лет назад.

– Скорее всего, это прабабушка майора. – Обри повесила фонарь на гвоздь, торчавший из каменной кладки. – Помогите мне отодвинуть его в сторону.

Они вдвоем с трудом отодвинули портрет, а за ним оказался другой, еще больше и величественнее, но время его создания, к сожалению, определить не удавалось, так как молодая леди, изображенная на нем, была в маскарадном костюме – в греческой тоге и с венком на голове.

– Вот эту я знаю, – уверенно сказала Бетси. – Это ее сиятельство, которая прыгнула с галереи и сломала себе шею. Портрет висел в холле, когда я нанялась сюда посудомойкой.

– Прыгнула? – ужаснулась Обри.

– Ну, кто что говорит, – пожалала плечами Бетси, – то ли прыгнула, то ли упала. Это мать нынешнего лорда – он тогда был еще подростком. С ним творилось что-то ужасное, и все эти разговоры о самоубийстве... А церковь подняла страшный шум, так что старому лорду пришлось, чтобы успокоить святош, построить новый дом для приходского священника.

– Какой кошмар!

– На этой семье лежит черная печать. Люди говорят, замок Кардоу проклят, и ни одна молодая жена никогда не будет здесь счастлива.

– Что ж, несчастная леди должна вернуться к своему прежнему сиянию в холле, – судорожно вздохнув, сказала Обри. – Давайте отодвинем портрет, чтобы лакеи унесли его отсюда.

– А что, мэм, если его сиятельство не захочет, чтобы эти картины снова повесили? – явно не желая перенапрягаться, проворчала Бетси. – Ведь кто-то же отнес их сюда зачем-то. Кроме того, эти голубые с золотом гобелены лет сто провисели в большом зале.

– А что, кто-то сказал, что не желает их видеть? – с некоторым раздражением вскинув брови, спросила Обри.

– Мне кажется, я от кого-то слышала, мэм, но не припомню, от кого именно, – пожала плечами Бетси, отряхивая руки от пыли.

– Пусть так, но эти гобелены в ужасном состоянии: их все равно нужно привести в порядок, – настаивала на своем Обри. – Не можем же мы смотреть на голые каменные стены.

Бетси это, по-видимому, не очень волновало, но внезапно, когда они отодвинули в сторону картину, ее лицо осветилось радостью. В глубине прятался еще один портрет, на котором была изображена юная леди с почти такими же рыжими волосами, как у миссис Монтфорд.

– О-о, мэм, взгляните! Это последняя леди Уолрейфен!

Обри взглянула на портрет, и у нее от удивления отвисла челюсть. Это был совершенно современный портрет хорошенькой женщины с круглым лицом и изумительными голубыми глазами, которые, казалось, смеялись, глядя на художника. Дама была пышнотелой, если не сказать полной, в вышедшем из моды платье с высокой талией.

– Хм, не представляла себе... – почему-то чувствуя непонятное замешательство, заговорила Обри. – Я хочу сказать, никто никогда не говорил, что его сиятельство женат... или был женат.

– Нет, мэм, не нынешний лорд Уолрейфен, – рассмеялась Бетси. – Это его бывшая мачеха, леди Сесилия Маркем-Сандс. Портрет написан в Лондоне незадолго до того, как они обвенчались со старшим братом майора Лоримера.

– Святые небеса! Сколько же лет ему было? – изумилась Обри.

– О, вероятно, пятьдесят, – прищурившись, ответила Бетси. – Но она, видимо, была по-настоящему влюблена в него. Брак был удачным: она оказалась единственной леди Уолрейфен, которая не умерла в Кардоу.

– А где она умерла?

– О боже, мэм, она жива и здорова! – расхохоталась Бетси. – Она была замужем недолго: граф умер вроде бы вскоре после свадьбы, – а потом вышла замуж во второй раз и стала леди Делакуорт. Теперь вроде бы занимается благотворительностью: устраивает балы и тому подобные светские развлечения, сборы от которых идут беднякам.

За те два года, что она прожила в Кардоу, Обри ничего подобного не слышала, и определенно эта леди не оставила в доме никаких следов своего пребывания.

– У них... у них не было детей?

– Я не думаю, что это было возможно, – после некоторого колебания, понизив голос, сообщила Бетси. – Вы помните Мэдди, которая работала здесь старшей прачкой? Она говорила, что старый лорд не пропускал ни одной юбки. Однажды, перед тем как снова жениться, он зажал Мэдди в прачечной, но у него ничего не получилось... если вы понимаете, о чем я.

– Попридержите язык, Бетси! – прикрикнула Обри, чувствуя, как лицо ее заливают краска.

– Во всяком случае, – лишь на мгновение опустив голову, добавила Бетси, – эта леди Уолрейфен приезжала сюда всего раза три-четыре. Но, мэм, она была само очарование, причем ничего из себя не строила, если вы понимаете, что я имею в виду. Однажды на Рождество она привезла нам всем подарки и помогла миссис Дженкс собрать корзины с угощением для арендаторов. А вот старый граф мало интересовался Кардоу.

– И его сын, очевидно, тоже, – заметила Обри, все еще сердитая на лорда Уолрейфена за то, что игнорировал ее письма о разрушающемся замке.

– Давайте отнесем его вниз, мэ. – Бетси просительно посмотрела на Обри. – Леди такая красивая! А кроме того, портрет раньше висел в большом зале, над южным камином. А тот большой старый щит с отвратительной вороной можно перевесить в галерею.

– Думаю, это ворон, а не ворона, – мягко поправила девушку Обри. – И могу сказать, что не вижу ничего плохого в том...

Страшный грохот не дал ей закончить фразу. Раздался низкий нечеловеческий вой, как будто у них под ногами разверзлась твердь земная, плиты пола задрожали, пламя фонаря дико заплясало. Боже правый! Что это – землетрясение? Лавина? В Сомерсете?

Снизу раздавались крики:

– Бегите! Спасайтесь! Скорее!

Бетси вопила так, что можно было оглохнуть. Внезапно Обри все поняла, и уже в следующее мгновение стремглав неслась сквозь темноту, позабыв о привидениях и фонарях. На лестничной площадке она вслепую ухватилась за веревочный поручень, изо всех сил стараясь удержаться и не полететь кувырком, пока ноги несли ее вниз по полукруглым крутым ступенькам.

– О Иисус, Мария и Иосиф! – молилась Бетси, следуя за ней. – Должно быть, кто-то умер!

Сдерживая крик, Обри продолжала бежать; через два пролета перед ней оказалась толстая дубовая дверь, ведущая на подвесную галерею, и Обри в отчаянии схватилась за засов.

– О господи, господи! – бубнила Бетси, пытаясь ей помочь.

Вой затих, слышался лишь плач ребенка и крик кого-то из лакеев. Ржавый засов поддался, прищемив Обри большой палец, и, оказавшись снаружи, она, забыв обо всем, устремилась вдоль ограждения и увидела груды камней, рассыпавшихся по крепостной стене, и покачивающуюся половину западной башни, похожую на кровавую рану, – разрушение уничтожило тридцать футов парапета. Через двор бежали мужчины, и Обри с Бетси тоже побежали.

– Назад, миссис Монтфорд, назад! – закричал Певзнер, когда они как раз достигли разрушенного парапета. – Она вся сейчас рухнет!

Как раз в этот момент Обри заглянула за край ограждения и от ужаса прижала ладонь ко рту, увидев среди обломков, усыпавших цветник, клочок белой ткани, разбросанные школьные учебники и маленькую ручонку. Из горла вырвался жуткий вопль.

– Айан!

Обри почувствовала, как кто-то обхватил ее за талию и тянет назад от края, и на мгновение замерла, потом, инстинктивно оттолкнув Бетси – это она попыталась удержать ее, – побежала обратно к северной башне с единственной мыслью: «Скорее вниз, там Айан!..»

Что было потом, Обри помнила плохо, но каким-то образом они сумели пробежать по стене и спуститься в парк. Обри помнила, как бежала к цветнику, как хлестали по лицу ветви деревьев, как потом в слезах стояла на коленях у камней, а два садовника, которые оказались там раньше, разбирали завал.

Певзнер охрип от крика, призывая их уходить: остатки башни могли в любое мгновение обвалиться, но Обри не обращала на него внимания. Садовники продолжали отодвигать камни, наконец, добрались до маленького тельца, и Дженкс, просунув руку под грудь ребенка, воскликнул:

– Он дышит!

Когда мальчика извлекли из-под обломков, второй садовник схватил Обри за руку и крикнул:

– Скорее! Здесь опасно.

Как раз в этот момент с парапета скатился очередной огромный камень, но из страха за Айана Обри не могла пошевелиться, и Бетси оттолкнула ее в сторону, хлопнув по спине. В ту же

секунду опять раздался гул: обломки камней, бревна и доски – все, что оставалось от западной башни, обрушилось за ними. Айана отнесли в дом, и Бетси отправила мальчика-посыльного за доктором Креншоу.

Мальчика положили на кровать, и, чуть приоткрыв глаза, он едва слышно прошептал:

– Мама, майор... гулял, потом посыпались камни.

Обри заплакала и нежно приложила руку к чумазому личику ребенка, успокаивая. Стоявший по другую сторону узкой кровати Дженкс, старший садовник, поймал ее встревоженный взгляд и покачал головой.

– Нет-нет, он мертвецки пьян, но жив. Фелпс успел оттащить его. Майор если и пострадал, то так, пара синяков.

Прикрыв глаза, Обри подумала, что несчастье произошло из-за хозяина поместья, его пренебрежения ко всему и вопиющей безответственности. Как можно быть таким равнодушным! Она привезла сюда Айана в надежде обеспечить ему безопасность, а из-за одного бездушного человека ребенок чуть не погиб!

Открыв глаза, Обри прошептала, глядя на Дженкса:

– Бог свидетель, я этого так не оставлю: на сей раз он ответит за все.

Доктор Креншоу закончил свою работу уже при свечах. У Айана было сломано два ребра и палец, вывихнута левая лодыжка, а на голове обнаружилась такая глубокая рана, что пришлось наложить шесть швов. Обри с трудом воспринимала происходящее, пребывая словно в тумане. Сквозь шум в ушах до нее доносились лишь отдельные слова: «травма», «контузия», «сотрясение»...

По словам садовников, Айан бежал вверх по холму, возвращаясь из деревенской школы, когда увидел Лоримера, который нетвердой походкой шел через парк. Возле западной башни майор то ли споткнулся, то ли из-за того, что был пьян, упал, вниз посыпались камни, сначала всего несколько. Садовники в ужасе увидели, что мальчик оказался как раз на их пути. Слава богу, опорные столбы парашюта приняли на себя мощь обвала, но Айан все-таки пострадал.

Когда доктор уложил свои инструменты, а Бетси села возле камина скрутить оставшиеся бинты, Обри взяла ребенка за здоровую ручку и почувствовала, слава богу, теперь тепло. Свечи на ночном столике отбрасывали мрачные тени на лицо доктора, когда он склонился над маленьким пациентом проверить, все ли в порядке, прежде чем уйти.

– Нам повезло, миссис Монтфорд, что треснутые ребра не проткнули легкое, – сказал доктор Креншоу, закрыв кожаный саквояж. – Однако боль весьма ощутимая, дышать глубоко мальчик не сможет, поэтому двигаться ему не следует. Дайте ему настойку опия, чтобы поспал, да и болеть будет меньше.

– А это необходимо?

– Несколько капель вреда не принесут. – Слегка коснувшись руки Обри, доктор обнадеживающе улыбнулся. – Что касается контузии, то она меньше всего беспокоит меня. Другое дело – астма. Как давно ребенок болен?

– С рождения, – ответила Обри. – Но приступов сейчас нет – морской воздух помогает.

– Возможно, с возрастом симптомы исчезнут, – с надеждой сказал Креншоу, – но пока следите за питанием, не забывайте про влажную уборку. Мальчику пока будет трудно есть, поэтому попросите миссис Дженкс приготовить мясной бульон, а больше ничего не давайте. И кормите очень осторожно. На днях я зайду сделать перевязку.

Обри встала, чтобы проводить доктора, а Бетси подошла к спинке кровати:

– Бедный малютка, теперь он пропустит осеннюю ярмарку. Дженкс твердо пообещал взять его с собой, и он так обрадовался.

– А ярмарка через две недели? – Уже взявшись за ручку двери, обернулся Креншоу.

– В следующую субботу, – ответила со вздохом Бетси.

– Ну, бег в мешках я бы не рекомендовал, – с некоторым сожалением улыбнулся Креншоу. – Давайте на некоторое время будем придерживаться строгого постельного режима, а потом, уверен, его тело само подскажет, что ему можно и чего нельзя. Организм молодой, справится.

Бетси усмехнулась, а Обри поблагодарила доктора и проводила до лестницы. С залива опять натянуло тучи, шел дождь, и экипаж Креншоу дожидался прямо у входа.

Лакей бросился открывать ему дверь, и только тогда Обри вспомнила о другом пациенте.

– Подождите, доктор! Скажите, а как там майор?

– Ах, боюсь, как всегда, – плотнее запахнув пальто от сырости, ответил Креншоу. – Если не считать пары синяков, с ним все в порядке, так что навещать его нет смысла. Миссис Дженкс приставила к нему смазливую девицу на ночь.

Значит, майор опять напился до бесчувствия. Теперь это происходило с ним с пугающей регулярностью, и его стычки с Обри давали повод для обсуждения и в замке, и в деревне. Слуги считали, что она сошла с ума, если осмеливается противоречить ему, и все равно она постоянно спорила с ним.

С некоторой грустью она проводила взглядом экипаж доктора, едва различимый во мраке. Ей так хотелось поговорить с доктором, рассказать, каким когда-то был майор Лоример, объяснить, почему она считает, что с ним надо спорить, в то время как остальные его боятся.

Майор был самым близким другом ее отца, бесстрашным воином и прекрасным стратегом. Так случилось, что ее отец вытащил раненого Лоримера с поля боя под Ватерлоо, а сам погиб. Обри не могла смириться с тем, что майор остался в живых, а ее отец – нет, и ее возмущало, что теперь Лоример безрассудно тратил остаток своей жизни, невыносимо было думать, что ее отец впустую пожертвовал собой ради него.

Все ее просьбы прекратить пить были бесполезны, и она начинала бояться, что ничто не остановит Лоримера от медленного самоубийства, а слуги по-прежнему тайком будут смеяться над ее усилиями и строить предположения, почему их благопристойная экономка возится с опустившимся пьяницей, который ее ни во что не ставит и костерит на чем свет стоит.

Когда экипаж Креншоу исчез из виду и привратник стал опускать решетку, металлический скрежет вернул Обри к действительности: она медленно вернулась в дом, убеждая себя прекратить бесполезные попытки заботиться о Лоримере, что она всего лишь экономка.

Прошло десять дней. К счастью, состояние Айана значительно улучшилось. Синяки почти сошли, хромота уменьшилась, признаки астмы, которая долгое время мучила ребенка, особенно в осеннюю пору, вообще исчезли, и таким образом, в день открытия осенней ярмарки Обри все-таки отважилась пустить туда Айана.

Начало дня было теплым и ясным, как любое погожее осеннее утро в Сомерсете, и к половине одиннадцатого солнце уже согревало каменные плиты в нижнем дворе замка. Кухонные служанки упаковывали корзины с продуктами, в замке стояла необычная суета, все было как-то особенно возбуждено, и Обри наблюдала за приготовлениями с некоторым беспокойством.

Помня о характере майора, Обри поднялась, чтобы утихомирить слуг, чья болтовня во дворе замка громким эхом отражалась от каменных стен, и открыла дверь как раз в тот момент, когда из буфетной показались служанки Летти и Ида, которые несли кувшины с сидром. Девушки тревожно переглянулись, присели в реверансе и поспешили было уйти, но Обри, вместо того чтобы отчитать их за смех и излишне громкий разговор, непроизвольно окликнула одну из девушек:

– Летти, постойте!

Обе служанки резко остановились у двери буфетной.

– Да, миссис Монтфорд?

– Отнесите еще один бочонок для эля в пивной погреб. Дженкс вам поможет его наполнить.

Девушки улыбнулись и умчались со своими кувшинами. Посещение осенней ярмарки и пикник на деревенском лугу были для них целым событием. В этот единственный день в году Обри оставалась одна в доме, чему была очень рада. Слуги усердно трудились, чтобы превратить замок Кардоу в приличное место, удобное и комфортное, и ежегодная ярмарка не такая уж большая награда за их нелегкий труд.

А Айан? Ну что ж, ему уже почти восемь: не вечно же Обри нянчиться с ним. Мистер Дженкс, старший садовник, и его жена, повариха, любили его как внука. Мальчику очень нужно в жизни мужское влияние, а кроме того, убеждала себя Обри, он вполне выздоровел, чтобы отправиться на ярмарку, да и доктор был не против.

Когда в коридор упала чья-то тень, Обри подняла голову и увидела мистера Брустера, которого прислали из фирмы «Симпсон и Верней» проследить за сносом развалин западной башни. Молодой человек был при параде и держал в руке шляпу.

– А вы поедете на ярмарку, миссис Монтфорд?

– Нет, мистер Брустер, – улыбнулась ему Обри. – Ведь кто-то же должен остаться в доме.

– Но почему вы? – удивился Брустер. – Такой чудесный день сегодня.

– Надо приготовить кофе для майора, – неуверенно сказала Обри, хотя это и не было причиной: просто она не хотела оставлять замок без присмотра. – И потом, вдруг он позвонит.

– Помилуй бог, миссис Монтфорд! – рассмеялся Брустер. – За ту неделю, что я здесь, этот колокольчик не звякнул ни разу.

– И все же я не могу поехать, – покраснев, повторила Обри, – а вы поезжайте. Знаете, я дала всем работникам выходной, так что никто не растащит ваши камни.

– Очень жаль, мадам. – Брустер с улыбкой водрузил шляпу на голову и, чуть пригнувшись, чтобы не удариться о широкую дубовую притолоку, вышел во двор, где уже загружался экипаж.

Обри, немного приуныв, вернулась в свою гостиную.

К этому молодому человеку она относилась как к равному. В Кардоу они оба считались служащими самого высокого ранга, и остальные обращались с ними иначе, чем, например, с Певзнером, который до приезда Обри управлял распущенным штатом прислуги и допускал фамильярные отношения.

– Мама, я готов, – донесся до Обри тоненький голосок.

Она обернулась и, присев в волнах черного бомбазина, прижала к себе Айана.

– О, какой ты красивый! Будь хорошим мальчиком, слушайся мистера Дженкса и не...

– Я знаю, – перебил ее Айан, – «не переутомляйся».

– Да, милый, именно так: не переутомляйся.

Обри по привычке приладила мальчику волосы и заглянула в глаза – в такие же, как у ее отца и сестры Мюриел, синие глаза Фаркварсонов, которые она видела на вставленных в рамы старинных портретах, висевших в галерее Крагуэлл-Корта. Строгие, суровые шотландские лица – Обри никогда не думала, что будет скучать по ним, – но теперь ей их очень не хватало. Обри подавила минутную тоску по дому, но Айан все же заметил печаль в ее взгляде:

– Я, правда, чувствую себя хорошо! Честно-честно!

Обри коснулась губами его лба и подумала: «Боже милостивый, он все еще пахнет как младенец». А мальчик, чмокнув ее в щеку, чуть прихрамывая, поспешил на залитый солнцем двор, где мистер Дженкс грузил эль.

Вскоре экипаж со слугами и тележка со всем необходимым для пикника скрылись за воротами, и последний лакей, закрыв их, исчез на дорожке, ведущей в деревню. Обри закрыла двери на засов и отправилась на кухню. Было ровно одиннадцать часов – время подавать майору кофе, и сегодня (Господи, помоги) эта честь достанется ей.

От кухни до комнаты майора, которая находилась на четвертом этаже южной башни, путь был неблизкий, и к тому времени, как добралась до его двери, Обри запыхалась, ноги дрожали. Ей не хотелось входить в клетку льва, но делать нечего – придется! Предварительно постучав, она вошла, поставила поднос у кровати и пересекла комнату, чтобы раздвинуть плотные бархатные шторы.

Тут же из-за полога кровати послышалось недовольное ворчание. Лоримеру не нравился распорядок, на котором настаивала Обри, но тем не менее каждое утро теперь она заставляла его пить кофе с тостами: ему необходимо было есть.

– Доброе утро, майор, – поздоровалась она приветливо. – Ваш кофе. Прошу вас, сядьте и выпейте его, пока горячий.

– Хм, это опять вы? – процедил Лоример сквозь зубы после очередной порции ругани, сопровождаемой икотой и натужным кашлем. – Снова пришли мучить меня?

– К сожалению, сэр, потому что остальные сегодня на осенней ярмарке. Разве вы не помните?

Обри очень надеялась, что он забыл про грубую стычку, которая произошла между ними накануне вечером.

– Да, да, черт бы вас побрал! – прогремел он, здоровой рукой отдергивая в сторону полог кровати. – Я пьяница, а не идиот.

Майор с трудом сел на кровати и с подозрением оглядел Обри. Прошлым вечером он был в стельку пьян и сегодня выглядел не лучшим образом: в ночном белье, с отекившим бледным лицом и огромным животом, хотя все тело высохло до костей. А переругались они из-за того, что он опять не съел ни кусочка за обедом.

– Прошу вас, выпейте кофе и съешьте тост. – Обри сложила руки перед грудью, не собираясь отступать. – Я настаиваю.

– Ах-ах-ах! – закатив глаза, фальцетом жеманно передразнил он Обри. – Миссис Монтфорд, я должен вам напомнить, что в этом доме распоряжаюсь я, а не вы! Я буду есть, черт побери, то, что мне хочется, и, черт побери, когда мне хочется. И смените позу благочестия на что-нибудь более приемлемое для женщины.

– Майор, – опустив руки, строго проговорила Обри, – нельзя столько пить и отказываться есть. Вы совсем не думаете о своем здоровье.

Ее слова были встречены такой отборной бранью, пусть и произнесенной шепотом, что она покраснела до корней волос.

– Майор Лоример, следите за своим языком! – в ярости выкрикнула Обри.

– Следить за языком! Есть эти мерзкие тосты! Боже, до чего скучно жить! – прорычал Лоример возмущенно и смахнул поднос на пол.

Обри едва успела отскочить. Кофейник перевернулся, и по ковру растеклось темно-коричневое пятно; тосты, джем, масло – все превратилось в отвратительное месиво.

– Ах какая неприятность, миссис Монтфорд, – ехидно заметил Лоример. – Пропал мой завтрак.

– Ничего подобного! – огрызнулась Обри и принялась собирать посуду и столовые приборы. – Сейчас я спущусь и приготовлю другой поднос. И на этот раз вам придется есть варенные яйца.

– Терпеть не могу эту дрянь!

– Тем не менее вам придется это съесть. – Обри бросила на него мрачный взгляд и выпалила: – А если вы этого не сделаете, то, клянусь богом, я вылью все ваше виски из погреба в ров и сама приготовлю вам на ужин баранью ногу – уж ее-то вы съедите!

Это была пустая угроза, но ничего лучшего придумать Обри не могла. Подняв поднос и выпрямившись, она увидела, что лицо майора аж побагровело от негодования.

– Вы не посмеете! – рявкнул Лоример. – Вы не прикоснетесь к моему виски, или я, ей-богу, выгоню вас ко всем чертям без рекомендации!

Но ничего подобного он не сделает, и они оба это знали. Он к ней привык, она значительно упростила ему жизнь. Несмотря на отвратительный характер майора, они даже подружились, и Обри могла позволить себе такое, за что любой другой был бы тут же уволен.

– Пожалуйста, сэр, давайте не будем ссориться, – как можно доброжелательнее сказала Обри, коснувшись его руки. – Это очень расстраивает слуг. Вчера вечером они испугались, как бы мы не поубивали друг друга.

– Но ведь сейчас здесь слуг нет, так? – сказал сварливо майор. – Они все ушли в деревню.

– Если вы будете так сквернословить, нас услышат и из деревни, – парировала Обри.

Лоример неожиданно успокоился: перестал ворчать и вытер рот морщинистой рукой, покрытой россыпью пятен, – потом проворчал:

– Ладно, несите эти мерзкие яйца: так и быть, попробую.

– Спасибо, сэр. И еще принесу мягкое масло, как вы любите.

Она собралась уйти, но он неожиданно схватил ее за руку и хрипло спросил:

– Обри, где мальчик?

Уже не в первый раз он назвал ее просто по имени, но каждый раз при этом его взгляд становился каким-то стеклянным и немного смущенным, что было очень странно.

– Прошу прощения, майор, о ком именно вы спрашиваете?

– О мальчике! Твоем мальчике! – ответил раздраженно он. – У нас ведь нет других мальчиков!

– Дженкс взял Айана с собой на ярмарку.

Майор никогда не заговаривал об Айане, поэтому Обри была весьма озадачена.

– А-а. – Майор сжал губы и сразу стал таким же, как обычно. – Да, Айан. Бетси говорила, что он что-то там себе сломал, когда рухнула башня.

– Да, сэр, ребра.

– Хм... – Майор снял ночной колпак и поскреб голову под сальными волосами. – Дайте-ка мне вон то портмоне. Да нет же, черт вас возьми, вот ту деревянную шкатулку на туалетном столе.

Когда Обри нашла наконец то, что нужно, и принесла к кровати, майор, открыв шкатулку, за золотую цепочку вытянул оттуда карманные часы и, положив их ей в руку, сказал грубее, чем обычно:

– Вот, отдайте это мальчику.

Обри в недоумении смотрела на лежавшие у нее на ладони тяжелые, как камень, часы, которые, несомненно, были из чистого золота.

– Но, майор, я не могу...

– Никаких «не могу»! – крикнул Лоример. – Отдайте их мальчику, черт побери!

Некоторое время Обри с состраданием смотрела на него. Белок его здорового глаза пожелтел, нос приобрел форму луковицы, испещренной синеватыми прожилками, кожа лица стала дряблой и болезненно-серой.

– Зачем, сэр?..

– Дженкс сказал, что мальчик пытался оттащить меня в сторону, когда посыпались камни, – буркнул майор, нахмурившись, – хотя в этом и не было необходимости. Он смелый. Эти часы подарил мне твой отец летом, после Тулузы. Мне они ни к чему, а вот мальчонке пригодятся.

– Я не могу взять такую вещь, сэр. Как вы сказали, я всего лишь служанка.

Обри попыталась вернуть часы, но он резко оттолкнул ее руку.

– Разве я отдал их вам? – фыркнул майор. – Это для мальчика. На корпусе этой штуки выгравировано название нашего полка. Я хочу, чтобы он знал, что дед его был героем.

– Хорошо, я возьму их, но при одном условии.

– И что вы надумали на сей раз?

– Вы должны позволить доктору Креншоу осмотреть вас. Ваше здоровье внушает мне опасения. Обещайте, что примете его и выполните все, что он назначит.

На мгновение челюсть майора задрожала, но Обри не могла сказать отчего: то ли от негодования, то ли от слабости.

– Ну что же... – бросил он наконец. – Приведите сюда этого негодяя, если думаете, что от него будет хоть какая-то польза. Завтрашний день меня вполне устроит. Давайте пригласим его к чаю! Быть может, потом мы сыграем с ним в роббер или в пикет. – И запрокинув голову, Лоример расхохотался, словно закудахтал.

Итак, сегодня ей удалось заключить две сделки, к своему удовлетворению подумала Обри, положив часы в карман.

– Благодарю вас, сэр. Сейчас я принесу вам яйцо, а потом отправлю записку Креншоу, – сказала она твердо.

– Непременно, миссис Монтфорд, – произнес он язвительно, и Обри уже взялась за ручку двери, когда голос майора остановил ее: – Погодите, Обри.

– Да, майор?

– Вы и мальчик... Никто не знает, что вы здесь?

– Никто, сэр.

– Отдайте часы мальчику, непременно.

– Да, майор, но чуть позже...

– Ах, позже? Но почему?

– Он еще слишком мал, сэр, чтобы уяснить суть подарка, – выдавила Обри, отводя взгляд в сторону. – Я отдам ему часы в день совершеннолетия, если вы не против.

Лоример что-то пробормотал, кивнув, и Обри восприняла это как согласие.

Уже закрывая за собой дверь, она подумала: «Совершеннолетие Айана. Боже мой, как же еще до этого далеко – и в то же время так близко». Пока шла по пустому коридору, она ощущала, как у нее в кармане тяжело покачиваются часы, и, казалось, слышала их тиканье.

Глава 3

В офисе графа Уолрейфена ранним утром всегда было многолюдно. Клерки, рассыльные и политические подхалимы сновали взад-вперед с правовыми документами, законодательными предложениями и неотложными письмами, так как, в отличие от большинства английских аристократов, Уолрейфен занимался политикой не как дилетант, а как профессионал.

Пожалуй, единственный, он не пропустил ни одного заседания в палате общин. Титул, полученный по наследству, обеспечил ему место в палате лордов, и там он вел себя так же. У него хватало терпения выслушивать многочасовые выступления, в том числе обличительную речь Пиля, посвященную вопросу освобождения от католицизма, и даже участвовал в прениях.

Сам Уолрейфен считал себя тори, хотя далеко не все признавали его таковым. Графа побаивались. Когда этого требовала ситуация, Уолрейфен мог быть резким, надменным и даже жестким, но о более серьезных его недостатках вслух не говорили, потому что он был не просто либералом, а таким, что мог вызвать недоумение у всего Уайтхолла. Граф считал, что английские суды без разбору всех преступников отправляют на виселицу, что правительство морит голодом свой народ. Он с открытым сердцем принял бы в парламент ирландцев, не гнушался дружбой с этим смуглым щеголеватым еврейским выскочкой Бенджамином Дизраэли, консерватором до мозга костей, был крайне дерзок в своих политических высказываниях. Не всем это было по душе. Уолрейфен был не прочь кого-нибудь и подразнить, если это шло на пользу дела.

В это утро у него, как всегда, не было ни минуты свободной, к тому же мучила ноющая головная боль, поскольку приходилось заниматься проблемами личного характера, а Уолрейфен терпеть этого не мог. С автоматической точностью он выполнял свою повседневную работу, подписывал десятки документов, лежавших на письменном столе, и передавал их Уортуислу, своему давнему поверенному.

– Благодарю вас, милорд, – после каждого полученного документа говорил тот и, кряхтя, отвешивал поклон. При этом очки его в серебряной оправе сползали на кончик носа.

Когда все было подписано, рассыльные, выстроившиеся за дверью, вздохнули с облегчением. Смайт, дворецкий, по очереди их впускал, чтобы каждый мог сам представить то, что требовало внимания его сиятельства безотлагательно. Уолрейфен бегло просматривал каждый документ, что-то зачеркивал или, наоборот, добавлял, затем ставил подпись, и рассыльный отправлялся туда, откуда был прислан.

– Что еще, Смайт? – обратился Уолрейфен к дворецкому, когда Уортуисл исчез в своем кабинете.

Кашлянув, Смайт развернул свой список и сделал шаг вперед:

– Во-первых, милорд, сэр Джеймс Сиз хочет уточнить, ждате ли вас в половине четвертого на открытие нового хирургического отделения в больнице Святого Фомы.

– Я встречусь с ним чуть раньше.

– Да, милорд. – Смайт сделал пометку в своем списке. – Во-вторых, леди Кертон прислала записку насчет завтрашней встречи в Обществе Назарета.

– Это все? А теперь запишите: обед на семь человек в гостиной после встречи с губернатором. Позаботьтесь, чтобы подали черепаховый суп для леди Делапорт, и разыщите бутылку бордо девятого года для преподобного мистера Амерста.

– Хорошо, милорд.

На столе секретаря зазвонили маленькие часы, и, взяв календарь его сиятельства, он напомнил:

– В час у вас завтрак с премьер-министром и министром внутренних дел в Уайтхолле, сэр.

– Неужели я был настолько неосмотрителен, что согласился на такое?

Изобразив улыбку, Уолрейфен отодвинул кресло с твердым намерением подняться наверх и переодеться, но передумал. Огилви и Смайт переглянулись.

– Что-то еще, милорд? – кашлянув, нерешительно спросил дворецкий.

– Утренняя почта, Смайт, – машинально просматривая оставшиеся на столе бумаги, ответил Уолрейфен. – Это все?

– Ну да. Вы ожидали еще что-то, сэр?

– Понятно. – Уолрейфен снова переложил листы. – Пожалуй, нет, – не очень уверенно сказал граф, покачав головой.

Он все-таки встал и направился к лестнице, но пока шел по коридору и поднимался в свои апартаменты, какая-то тревожная мысль продолжала его преследовать. Столько сообщений, столько писем, но чего-то не хватало... Чего? И тут его осенило: письма от миссис Монтфорд! Прошло уже больше двух недель, как от нее не было ни строчки, что довольно странно: с тех пор как его дядя нанял эту женщину, Уолрейфен лишился покоя. И вот за две недели ни одного письма. Неужели его молчание все-таки довело ее до крайности? Или она ушла? А может, дядя Элиас что-нибудь выкинул?

Сплошные вопросы, и ни одного ответа. Так и с ума сойти можно. А головная боль не отступала, в висках стучало.

«Все дело в том, – вдруг подумал Уолрейфен, – что пора завести любовницу. Хватит терзаться из-за бывшей мачехи и ее нового мужа, думать о какой-то экономке с ее проклятыми письмами и тем более переживать из-за Кардоу. Нужно просто поискать удовлетворения среди дам полусвета или молодых вдовушек». Он почти сожалел, что отпустил Иветту – или Ивонну? – но та стала жаловаться, что он слишком мало уделяет ей внимания, а это раздражало.

Вероятно, ее нисколько не заботило, что половина лондонцев живут в нищете, что дети вынуждены заниматься проституцией. Она не могла понять, зачем столько времени отдавать работе. Все, что ее беспокоило, гармонирует ли шляпка с перчатками.

Эти рассуждения привели Уолрейфена к выводу, что и любовница не избавит его от боли, которая последнее время почти не отступала.

С тихим проклятьем Уолрейфен толкнул дверь своей спальни, чтобы переодеться, но едва Бидуэл, его камердинер, успел снять с него сюртук, как в комнату постучали и вошел дворецкий, явно встревоженный.

– Милорд, только что принесли сообщение...

– Подождет, – оборвал его граф. – У меня деловой завтрак.

– ...из Кардоу, – закончил дворецкий.

– Из Кардоу? – Уолрейфен отстранил Бидуэла с шейным платком в руках. – Что случилось?

– Плохие новости, милорд, – печально улыбнулся Смайт.

– Это... дядя Элиас?

– Увы, сэр, – тихо ответил Смайт, – майор Лоример скончался.

– Боже мой! – На мгновение Уолрейфен закрыл глаза. – Как, Смайт? Что случилось?

– Неприятное дело, сэр, – пробормотал дворецкий. – Местный мировой судья требует, чтобы вы немедленно приехали в Кардоу.

– Это само собой разумеется. Но при чем здесь мировой судья?

– Дело в том, что смерть вашего дяди не была естественной, – еще сильнее помрачнев, ответил Смайт.

Уолрейфену стало так плохо, что подкосились колени, и неожиданно в глубине души он остро ощутил свое одиночество. Святые небеса, как это могло случиться? Он опять подумал о плохо завуалированных предупреждениях миссис Монтфорд, но дядя Элиас всегда казался ему неуязвимым.

– Как он умер? – тихо спросил граф.

В наступившей тишине было слышно, как возится Бидуэл, доставая дорожные корзины.

– Его застрелили, сэр, – наконец ответил Смайт.

– Застрелили? Кто? За что? – Уолрейфен не верил своим ушам.

– Вроде бы в дом забрался грабитель.

– В Кардоу? Но как? Там высокие зубчатые стены, в нижние окна вставлены решетки, да и находятся они на высоте тридцати футов. Кроме того, в замке два внутренних двора, а ворота держат надежно запертыми.

– Замки могли взломать, сэр, – предположил Смайт.

– Только не те, – мрачно возразил Уолрейфен. – Кардоу же крепость. Никто никогда не мог проникнуть в этот замок без предварительной договоренности – во всяком случае, за последние восемь столетий.

– Ах ты боже мой! – пробормотал Смайт, но граф его уже не слушал.

– Сообщите премьер-министру, Смайт, что я вынужден перенести встречу, передайте в Общество Назарета, что я не смогу присутствовать, и пошлите записку леди Делапорт на Керзон-стрит, чтобы она была готова в три часа выехать в Кардоу, – распорядился Уолрейфен.

– Ее сиятельство будет сопровождать вас? – немного удивился Смайт.

– Да, ей придется, – хмуро ответил Уолрейфен. – Кому-то ведь надо заниматься гостями, распорядиться насчет еды... Она все же его невестка, так что это ее прямая обязанность.

Сесилия с готовностью согласилась исполнить свой долг. Уолрейфен знал, что мачеха любила чувствовать себя нужной, ей доставляло удовольствие ощущать себя частью семьи Лоример, хотя одному богу известно почему. Во время брака с отцом Джайлза она была осью, вокруг которой все они вращались, но и после его смерти продолжала поддерживать отношения с большинством их родственников. Уолрейфен и мачеха давно стали хорошими друзьями, хотя он испытывал к ней совсем иные чувства. И вот теперь ему понадобилась ее помощь.

Уолрейфена порадовало, что Сесилия в сопровождении Делапорта прибыла на Хилл-стрит на четверть часа раньше в полной готовности пуститься в путешествие на запад.

Было подготовлено четыре экипажа: два для слуг и багажа, Уолрейфен с Огилви ехали отдельно, супруги Делапорт – тоже. Путешествие казалось бесконечным, даже когда уже приближалось к концу, и все безумно устали, но еще хуже было то, что, еще не приехав в Кардоу, Уолрейфен уже мечтал поскорее покинуть проклятое место. Он бы так и сделал, если бы не пообещал себе отыскать убийцу дяди. Они хоть и не были близки, но Джайлз уважал Лоримера, всем пожертвовавшего ради страны и короны, и нельзя допустить, чтобы его убийца остался безнаказанным. Уолрейфен был страстным поборником справедливости, поэтому решил во что бы то ни стало добиться ее.

Ощувив горячую влагу на глазах, Уолрейфен был немало поражен. Он и представить не мог, что будет так переживать. Давно нужно было приказать дяде переехать в Лондон, а Кардоу просто запереть. Возможно, тогда этого не произошло бы. Но что теперь толку изводить себя сожалениями – ничего уже не изменишь.

К сожалению, в день их приезда над Бристольским заливом висел туман. Плотная серая пелена окутывала поля, леса и деревни и вызывала в покалеченной ноге Уолрейфена адскую боль. У подножия скалистого холма Кардоу экипажи свернули влево на крутую дорогу, ведущую к замку, и вскоре, сбавив скорость, загромыхали по мосту через ров, и чем выше поднимались, тем плотнее становилась пелена.

Чтобы отвлечься, Уолрейфен через окно кареты вглядывался во мглу, пытаясь разглядеть западную башню замка, но так и не увидел ее. Но она была там, мощная и непоколебимая, возвышавшаяся где-то в тумане у него над головой.

Когда экипаж, проехав под навесной галереей, остановился в середине двора, а не у крыльца, граф, открыв дверцу, хотел было сделать выговор кучеру, но увидел две шеренги слуг, выстроившихся в туманной мгле. Одетые в мрачные черные плащи и белые накрахмаленные рубашки, они, потупив взгляды, молча кланялись, когда они с Огилви проходили мимо.

– Добро пожаловать домой, милорд, – встретил его у парадной двери дворецкий с черной траурной повязкой на рукаве.

– Добрый день, Певзнер. Вижу, вы все содержите в идеальном порядке.

Но интересовал сейчас Уолрейфена вовсе не дворецкий, а высокая, почти такого же роста, как Певзнер, стройная девушка, стоявшая позади него. Женщиной было трудно назвать это стройное и гибкое создание, хотя и немного – совсем чуть-чуть – утратившее краски юности. На фоне унылой черной одежды ее шея казалась вылепленной из чистейшего алебаstra, черты ее лица были тонкими и невероятно правильными, рыжие волосы, туго, казалось, до боли, стянутые в пучок на затылке, почти скрывались под чепцом. Она очень постаралась превратить себя в чопорную даму, какой в ее представлении должна быть экономка, но у нее ничего не получилось.

– Милорд, – обратился к нему дворецкий, – позвольте представить вам миссис Монтфорд, экономку. Вот уже почти три года, как она управляет замком.

Девушка присела в реверансе: низко и грациозно, как дебютантка на первом балу, потом, выпрямившись, проговорила:

– Добро пожаловать в замок Кардоу, милорд.

Уолрейфена поразило ее произношение: звук «р» был твердым, даже жестким, а последние слоги в словах она смягчала. При этом смотрела она не на него, а словно сквозь него, и это почему-то его разозлило.

– Миссис Монтфорд, – резко сказал Уолрейфен, – будьте добры смотреть на меня, когда я обращаюсь к вам.

– Прошу прощения, милорд, – после минутной паузы отозвалась она холодно, – я не слышала, чтобы ко мне кто-то обращался.

Уолрейфен был потрясен, когда посмотрел ей в глаза, потому что увидел в них ненависть, жгучую и неподдельную, полыхавшую в ее взгляде каким-то дьявольским зеленым огнем. Пока он пытался подобрать нужные слова, это выражение исчезло, лицо быстро превратилось в маску бесстрастной прислуги. Уолрейфен почувствовал минутную растерянность, хотя ему следовало быть готовым к чему-то подобному.

– Хорошо, миссис Монтфорд, но теперь я определенно обращаюсь к вам. – Отдав трость Певзнеру, Джайлз стянул перчатки. – Если вас не затруднит, я хочу через полчаса видеть вас в своем кабинете.

– Как прикажете, милорд, – произнесла она своим низким мелодичным голосом, почему-то действовавшим ему на нервы, и сделала реверанс, медленно и демонстративно, ни на мгновение не отрывая от него взгляда, словно бросала ему вызов или провоцировала – но на что?

Сесилия между тем здоровалась со старыми слугами, и они отвечали ей уже не так угрюмо и чопорно. Уолрейфен решил представить ее экономке и сухо сказал:

– Миссис Монтфорд, это вдова моего отца, ныне леди Сесилия Делапорт, с мужем. Проследите, чтобы их удобно устроили.

– Как чудесно все теперь выглядит, Певзнер, – услышал он голос Сесилии. – Но пусть слуги уже уйдут в дом – сыро. Да, здесь чувствуется заботливая рука. А вы миссис Монтфорд, да? Здравствуйте. Очень рада вас видеть, хоть и по столь печальному поводу. Хорошо, что у Кардоу есть умелая экономка.

Воздержавшись от каких-либо замечаний, Уолрейфен прошел в дом, и его окутали запахи воска и мыла, ароматы старомодных чистящих средств. Это было так неожиданно и

приятно, потому что во время его последних двух или трех коротких визитов в Кардоу здесь пахло сыростью и мышами, здание выглядело совершенно запущенным.

Сесилия и миссис Монтфорд шли за ним следом, и мачеха рассказывала об ужасной гостинице, в которой они провели прошлую ночь. Глаза Джайлза постепенно привыкли к полумраку, и, шагнув из холла в огромный сводчатый зал, он ощутил затаенный трепет. Окинув взглядом старинное помещение, он вдруг осознал, что здесь чего-то не хватает. Посмотрев на пустые стены, Джайлз обнаружил кое-что еще и от неожиданности громко втянул воздух.

Тут к нему подошла Сесилия и проворковала:

– О, Джайлз! Я и не подозревала, что ты повесил здесь мой старый портрет.

Но сейчас мачеха меньше всего занимала его мысли. Уолрейфен переводил взгляд с ее портрета, на тот, что висел напротив. Боже правый! Оказывается, в семнадцать лет его мать была несравненной красавицей. На заре юности глаза ее сияли ожиданием счастья, были устремлены в будущее. Но ожидание это так и не сбылось, и контраст между той, какой она была, и какой стала, вызвал в нем глубокую печаль. Портрет был замечательным, и мать он очень любил, но вот место, куда его повесили, она ненавидела. И это привело Джайлза в ярость.

Свой брак она считала непростительной ошибкой, пусть и совершенной против ее воли. Вся любовь и внимание были отданы Джайлзу, ее единственному ребенку. Мать по распоряжению отца не покидала Кардоу, но где висеть портрету, все же имела право выбрать.

– Миссис Монтфорд, будьте добры, подойдите сюда, – леденящим душу тихим голосом позвал Уолрейфен экономку.

К этому времени в зале уже было полно народу, все говорили разом, хлопали дверью, заноса багаж и сортируя его, и Уолрейфен с досадой обнаружил, что она никак не отреагировала.

– Миссис Монтфорд! Подойдите сюда! – провозгласил он на этот раз громогласно.

Все слуги мгновенно замерли, в зале воцарилась тишина, поэтому слова экономки, пронесенные ледяным тоном, услышали все:

– Я к вашим услугам, ваше сиятельство.

– Этот портрет здесь повесили вы?

– Да, – ответила она быстро, – решение приняла я.

– В вашем распоряжении десять минут! – бросил Джайлз, пронзив ее взглядом. – Ждите меня в кабинете.

– Как скажете, ваша светлость, – холодно ответила Обри, пронзив его слишком презрительным для служанки взглядом.

Спустя ровно десять минут она вошла в кабинет, где Огилви приводил в порядок письменный стол. Граф не упустил из виду сочувствующий взгляд, который молодой человек бросил в сторону экономки. Любой, кто знал Уолрейфена, заметил бы бурлившую в нем ярость, но хуже всего было то, что он сам не понимал, почему злится, какая из причин вызвала приступ ярости: то ли портрет, то ли само это место, этот дом, наполненный воспоминаниями, то ли – он должен был себе признаться – эта строптивая девица. Ее спокойная, строгая манера поведения достойна восхищения: он этого не ожидал, и почему-то именно эта сдержанность вывела графа из себя.

Он стоял возле высокого окна, выходящего в верхний двор, когда она появилась, и заметил, закрывая свои карманные часы:

– По крайней мере, вы пунктуальны.

– Да, всегда, – ответила она просто. – Чем могу быть вам полезна, милорд?

– Миссис Монтфорд, не могли бы вы мне кое-что объяснить? – Вопрос был задан требовательно, на что незамедлительно последовала соответствующая реакция: с долей высокомерия Обри вздернула подбородок и уточнила:

– Относительно портрета, милорд?

– Давайте начнем с самого начала. – Уолрейфен почувствовал, что у него дергается щека. – Прошу вас, скажите: что случилось с моими фламандскими гобеленами? Триста лет они висели в большом зале Кардоу, и вот теперь я приезжаю домой и обнаруживаю, что они просто-напросто исчезли, а на их месте появился портрет, который вам никто не разрешал доставать из кладовой. Я хочу, чтобы его немедленно убрали.

– Не пройдет и часа, – без запинки, против его ожидания, спокойно сказала Обри. – И гобелены, безусловно, можно было бы вернуть на место, но они попорчены плесенью и обгрызены мышами, так что вряд ли украсили бы зал.

– Мыши?.. Откуда здесь мыши?

– Когда я приехала, дом кишел ими, – объяснила она. – Гобелены отправлены во Фландрию для восстановления. Несколько месяцев назад я представила вам смету.

Представила? Возможно, черт побери.

– Раз вы требуете убрать портрет вашей матери, – продолжила Обри, – то, быть может, заодно снять и портрет леди Делапорт?

Да, Уолрейфен хотел именно этого, но сейчас снять портрет не представлялось возможным, потому что Сесилия уже видела его.

– Этот оставьте, но портрет моей матери снимите и... упакуйте: он не должен висеть здесь. Я заберу его с собой, когда буду уезжать.

Он солгал, и она это поняла. Решительно расправив плечи, она все с тем же высокомерием смотрела на него, словно и не экономка вовсе, а леди в декольтированном бальном платье, хотя и одета была в соответствии со своим положением: в закрытое платье из черного бомбазина. На цепочке, опоясывавшей изящную талию, висела связка ключей, а неистово яркие волосы покрывал черный кружевной чепец.

– Я сейчас же упакую его, – холодно и сдержанно объявила Обри. – Будут еще какие-то распоряжения, ваша светлость?

– Да, будут, – ответил он мрачно. – За многие годы, пока жил здесь, я привык добираться до своих апартаментов через южное крыло, поднявшись по лестнице западной башни. А сейчас я обнаружил, что этот путь перегороден досками и закрыт брезентом. Эту отвратительную свалку, мадам, необходимо расчистить и немедленно убрать.

– Убрать? – едва не выкрикнула Обри; куда делось ее холодное спокойствие!

Уолрейфен почувствовал, как боль ножом вонзилась ему в череп, и сжал пальцами висок.

– Мадам, мало приятного проходить через помещения для слуг, чтобы попасть сюда. Нам предстоит принять немало гостей, и сейчас не лучшее время заниматься реконструкцией. Но хуже всего, что я не припомню, чтобы давал на это разрешения.

– Это вовсе не реконструкция, скорее раскопки, – огрызнулась Обри, и в глазах ее снова вспыхнул все тот же зеленый огонь презрения.

– Прошу прощения?

– Западная башня обрушилась.

– То есть?.. – От неожиданности он выронил из ладони карманные часы, и те, раскачиваясь, повисли на цепочке, прикрепленной к кармашку жилета.

– Западная башня рухнула, – медленно, словно разговаривала со слабоумным, повторила Обри. – Для вас это неожиданность?

– Я ничего не знал...

– Я отправила вам пять писем, но это оказалось пустой тратой времени. И теперь проход загорожен с обеих сторон, но вовсе не для того, чтобы создать неудобства вашей светлости, а чтобы защитить ваших слуг от падающих камней. Одному богу известно, что еще может обрушиться.

Уолрейфен не слишком понял ее слова, но осознал, что пришло время поставить миссис Монтфорд на место.

– Мадам, мне не нравится ваш тон. Вы намекаете, что я не забочусь о своих слугах?

– Святые небеса! – с нескрываемым негодованием воскликнула Обри, воздев руки. – Неужели вы так ничего и не поняли? Рядом с обвалом находиться опасно. Но если вы намерены рискнуть, все это сейчас же уберут.

Ее последние слова прозвучали подстрекательством.

– Вам следовало известить меня об этом, однако вы этого не сделали. Почему?

– Дальнейшие обсуждения кажутся бессмысленными, – резко ответила Обри, едва сдерживая гнев. – Я совершенно определенно информировала вас, что башня в критическом состоянии. Вот она и рухнула. Я велела убрать камни и заложить кирпичами проход.

– Но это никуда не годится, – буркнул Уолрейфен.

– Значит, вы хотите, чтобы ее восстановили? – Ее брови удивленно взлетели вверх.

– Безусловно! – неожиданно для себя воскликнул Джайлз. Боже правый, неужели он намерен заниматься Кардоу? – Без этой башни нарушится симметрия замка, и, чтобы попасть из одного конца в другой, придется проходить полмили.

– Я проинформирую компанию «Симпсон и Верней».

Миссис Монтфорд кивнула, и жест этот напоминал королевский, словно она отпускала его.

Симпсон и Верней? Это же архитекторы! И только сейчас Уолрейфен вспомнил ее отчаянную мольбу ответить, что делать с башней: снести или укрепить, и опасения, как бы она не обрушилась и кого-нибудь не придавила.

Уолрейфену стало немного не по себе. Да, ее высокомерие было неприемлемо, но нельзя не признать, что она права: он действительно не обращал на ее послания внимания. И вот случилось то, о чем она предупреждала, и разобраться с возникшими проблемами было не в ее силах: она экономка, но никак не каменщик.

Она уже взялась за ручку двери, когда он ее окликнул:

– Миссис Монтфорд?

Она резко остановилась и обернулась.

– Я надеюсь... никто не пострадал... не погиб?

– Никто не погиб, – ответила она жестко, почему-то сделав ударение на последнем слове.

– Ну слава богу!

Обри молча повернулась, намереваясь уйти, но Уолрейфену не хотелось ее отпускать. Он не понимал, что с ним происходит и почему так груб с этой женщиной. Разве можно ставить ей в вину его нежелание выполнять свои обязанности в Кардоу?

– Миссис Монтфорд! – отрывисто кашлянув, опять окликнул ее Джайлз.

– Да, милорд?

– Я вас еще не отпускал. – Как ни старался он говорить мягче, ему это не удалось. – Мне нужно, чтобы вы записали, сколько гостей и кого именно мы ожидаем на похороны.

– Вместе с приходским священником я подготовила список.

Достав из кармана сложенный лист бумаги, Обри пересекла комнату и подала его Уолрейфену. Джайлз успел заметить, что у нее очень красивые руки с тонкими изящными пальцами, которые совсем не дрожали.

С трудом оторвав взгляд от ее рук, Уолрейфен просмотрел список: из Бата – тетя Харриет с семьей; двоюродный дед со стороны бабушки; две кузины из Уэльса... чтобы перечислить всех его родственников, не считая тех, что были в Америке, хватило шести строчек.

– Что ж... – Он откашлялся. – Вполне приемлемо.

– Рада это слышать, – язвительно обронила Обри.

Чтобы занять руки, Уолрейфен снова открыл карманные часы и невидящим взглядом уставился на циферблат, размышляя, действительно ли эта женщина – такая хрупкая на вид – была любовницей его дяди. Но почему его это волнует? Ему-то какая разница...

– Будут ли еще какие-то распоряжения, милорд? – теряя терпение, спросила Обри.

– Да, – почему-то кивнул Джайлз. – Пока здесь находится леди Делапорт, вы будете выполнять все ее распоряжения по дому и относиться к ней как к хозяйке. Я не хочу, чтобы ко мне обращались по поводу распорядка дня, меню, размещения гостей, их встречи и проводам. У меня полно более важных дел.

– Да, милорд.

– И разместите леди в ее прежних апартаментах.

– В хозяйских вы имеете в виду? – уточнила Обри.

– Да.

– Багаж уже отнесли наверх. – Она быстро прошла через комнату и потянула шнур звонка.

– Так перенесите его немедленно.

– Да, сейчас позвоню Бетси.

– Отлично. – Он махнул рукой, отпуская ее, но Обри, одарив его насмешливым взглядом, спросила:

– Какие комнаты займете вы?

– Мне все равно. Главное – рядом с Огилви, моим секретарем.

– Ваши старые покои в северном крыле подойдут?

– Нет, – отрицательно покачал головой Уолрейфен, – я не люблю ту часть дома. А кроме того, там в гардеробной дохлые жабы, если я правильно понял.

Ему показалось, что губы миссис Монтфорд тронула легкая усмешка.

– Тогда китайскую спальню? Она здесь недалеко.

– Отлично.

Как раз в этот момент робко заглянула в комнату Бетси, и Обри, повернувшись к двери, сказала:

– Передайте лакеям, чтобы перенесли вещи лорда и леди Делапорт в хозяйские апартаменты, а его сиятельство пожелал занять китайскую спальню.

– Да, мадам, – кивнула служанка, сбитая с толку.

– А когда закончите, – продолжила Обри, – приготовьте отвар из лабазника и мяты для его сиятельства. Вы не забыли, как это делается?

– Нет, мадам.

Бетси поспешила уйти, а Уолрейфен воскликнул:

– Отвар! Но зачем?

– У вас болит голова, – раздражающе чопорно заявила миссис Монтфорд. – И, мне кажется, вы хромаете на левую ногу.

– Со мной все в порядке, – проворчал Уолрейфен. – И, разумеется, мне не нужны никакие припарки и травяные отвары.

– О, мне это даже в голову не приходило. Но в лабазнике много салицилата.

Сколько было самоуверенности в этом заявлении! Его буквально взбесило, что она права в отношении его ноги и головной боли.

– Салицилат? Это что такое? Никогда не слышал.

– Это вещество, которое очень хорошо помогает при ревматизме, снимает воспаление, – пояснила Обри.

– О господи, мадам! У меня нет ревматизма!

– Разумеется, нет, милорд, но... это пока.

Уолрейфен понял, что она над ним издевается, и ему это не понравилось.

– Миссис Монтфорд, – сказал он сухо, – давайте вернемся к текущим делам. Где положили моего дядю?

– В утренней гостиной. Вы что-то имеете против? Может, хотите, чтобы и его немедленно перенесли?

– Прошу прощения?

– Вы, очевидно, ужасно недовольны расположением вещей в этом доме, – заметила она спокойно. – И, если вы хотите, чтобы майора Лоримера перенесли в другое место, я прослежу и за этим тоже.

– Нет-нет, – ответил Джайлз, пытаясь справиться с внезапно нахлынувшей на него волной горя. Он не хотел, чтобы дядю куда-то переносили; он хотел, чтобы тот был жив и здоров, чтобы ворчал и ругался, пил свое бренди. Но ничего этого уже никогда не будет, и никто ему не может помочь. – Утренняя гостиная достаточно просторная. Много народу приходило проститься с майором?

– Половина Сомерсета, а кое-кто даже дважды.

«Да, и большинство из любопытства, а вовсе не из горечи утраты», – подумал Джайлз. Похоже, экономка была того же мнения: он почувствовал это по легкому скептицизму в ее голосе. Он опять посмотрел на нее, на этот раз откровенно разглядывая лицо. Совершенно не представляя, что еще можно сказать этой женщине, он, должно быть, слишком долго молчал, и миссис Монтфорд тихо кашлянула, привлекая к себе внимание:

– Это все распоряжения, ваша светлость?

– Да, миссис Монтфорд, но есть вопрос: сколько вам лет?

– Уже тридцать, милорд, – без тени кокетства ответила экономка, и Джайлз усмехнулся, уверенный, что она солгала. Впрочем, какое ему до этого дело? Главное – чтобы выполняла свою работу.

– Спасибо, миссис Монтфорд, – сказал он резче, чем хотелось. – Можете идти.

– Благодарю вас, милорд, – отозвалась она сухо.

– И еще, миссис Монтфорд...

Обернувшись, она посмотрела на Уолрейфена, но ничего не сказала.

– Все мы сейчас напряжены, поэтому я готов закрыть глаза на заносчивый тон, которым вы позволили себе говорить со мной. Но на будущее прошу учесть: я не потерплю дерзости от своих служащих. Ясно?

– Абсолютно, сэр. – Ее лицо снова превратилось в непроницаемую маску.

Внезапно Уолрейфен почувствовал жуткую усталость, и ему захотелось остаться одному. Миссис Монтфорд была слишком проницательна и много видела своими сердитыми зелеными глазами. Он не мог оголять перед ней душу. Разумеется, самым простым решением было бы просто уволить эту женщину, но Кардоу нуждался в ней, особенно сейчас. Господи, какой тугой петлей оказался семейный долг! Неудивительно, что даже толпы лондонских радикалов теперь не пугали его так, как жизнь в Кардоу.

– Можете идти, миссис Монтфорд, – после долгого молчания сказал наконец граф.

Уолрейфен заметил, как его секретарь, не открывавший рта в присутствии миссис Монтфорд, проводил ее любопытным взглядом.

– Огилви, не позже чем через час устройте мне встречу с врачом дяди, а завтра с утра – с приходским священником.

– А как насчет местного мирового судьи, сэр?

– Хиггинса? С ним я тоже хотел бы увидеться.

Огилви выглядел растерянным, и Уолрейфен уже пожалел, что не взял с собой старого Уортуисла, но бедняга не перенес бы столь долгого путешествия.

– Огилви, вы здоровы? Неважно выглядите.

Взгляд секретаря все еще оставался прикованным к двери, потом он посмотрел на босса и задумчиво проговорил:

– Скажите, эта ваша экономка, миссис Монтфорд, откуда? Вы что-нибудь знаете о ней?

– Полагаю, с севера. – Уолрейфен перебрал пачку писем, которые Огилви только что вскрыл. – Из Ньюкасла, возможно.

– Нет, не думаю, – нахмурившись, тихо возразил Огилви.

– Вы что, ее знаете? – Уолрейфен вопросительно вскинул бровь.

– Нет, – покачал головой Огилви, – но голос... нет, не голос, акцент. Он шотландский. И кроме того, сама манера речи выдает в ней представительницу высшего класса.

– Да? Впрочем, это не важно, – буркнул Уолрейфен. – Просто поразительно, что эти письма с соблезнованиями прибыли так быстро, не правда ли?

– Да, милорд, – согласился секретарь. – Совершенно поразительно.

Выходя из кабинета лорда Уолрейфена, Обри постаралась закрыть дверь как можно тише. Она всегда напоминала слугам, что они должны все замечать, но сами оставаться невидимыми. Им платили не за то, чтобы они проявляли чувства и эмоции. Тогда почему, поднимаясь по лестнице, она шла как слепая и ощущала, что сердце колотится где-то в горле? Она не сумела справиться с эмоциями, а это было недопустимо. Ей пришлось задержаться в коридоре возле кабинета, чтобы взять себя в руки, и ненароком она подслушала наивно высказанные наблюдения мистера Огилви по поводу ее акцента, манеры речи и принадлежности к высшему классу...

Обри не стала дожидаться реакции на его слова графа. Ее натянутые нервы не выдержали, гнев превратился в панику, и она помчалась прочь, не разбирая дороги. Ее опять охватили так хорошо знакомые ей безнадежность, беспомощность и страх, захотелось убежать, исчезнуть, но разум взял верх. Никто не должен видеть ее в таком состоянии, никто.

Она не помнила, как справилась с замком, как влетела в пустую спальню, словно по пятам за ней гнался сам сатана. Плотно закрыв дверь, Обри прислонилась к ней спиной и прижала ладони к твердому дереву, словно в поисках опоры. Боже милостивый, как она могла допустить, чтобы все вот так вышло из-под контроля? Как могла позволить проявиться своему характеру?

Майора больше нет, никто ее не защитит. А этот граф смотрит на нее своими холодными как лед глазами и презрительно усмехается. Но его презрение волновало меньше всего, а вот множество незнакомых людей, которые будут повсюду, действительно беспокоило: кто-нибудь может ее узнать...

Ну кто тянул ее за язык! Ей просто повезло, что граф сразу же не выгнал ее. Схватив с кровати подушку, Обри прижала ее к лицу, чтобы заглушить рыдания, сотрясавшие тело. О боже, боже! Ну разве можно так распускаться? Она не может потерять эту работу. Она должна безропотно исполнять все, что ни пожелает надменный граф Уолрейфен, и не раскрывать рта. Теперь все изменилось.

Майор умер, и Кардоу перестал быть ее убежищем.

Глава 4

Джайлз с нетерпением ждал и был рад видеть джентльмена, который ближе к вечеру вошел в его кабинет, хотя теперь совсем не был похож на кругленького вечно взъерошенного толстячка, с которым они вместе играли в детстве. Джеффри Креншоу похудел, кожа да кости, и выглядел не очень опрятным: рубашка заправлена кое-как, на обшлагах расстегнутого пальто красовалось темное пятно крови, в руке – кожаный саквояж, а на плечах – вселенское бремя, если судить по выражению лица.

– Прости, что так поздно, – сказал доктор, протягивая свободную руку. – Рад видеть тебя, Уолрейфен.

– И я, дружище, хотя повод далеко не радостный. Я не очень отвлек тебя? – Джайлз жестом указал на кресло.

– Джек Бартл, накачавшись пивом, взялся за косу. Но в твоей записке было сказано, что дело срочное, поэтому я наложил ему швы и поспешил сюда. Да, прими мои соболезнования. Такая трагедия! После похорон матери ты здесь не был и вот опять похороны. Жаль, жаль, что только печальные события приводят тебя домой.

– Это не дом, Джеф, – тихо возразил Джайлз, пройдясь к окну и обратно. – А приехал я, потому что должен был: это мой долг.

На мгновение Креншоу стало не по себе, и он, немного помолчав, сказал:

– Мы с тобой старые друзья, Джайлз, и в детстве чудесно проводили время. Я знаю, твоей маме здесь не нравилось, но разве на самом деле было так плохо?

– Взгляни на это место! Разве оно для молодой, красивой, полной жизни леди? А этот угрюмый старинный замок, море, туман, полная изоляция... Господи, все это высосало из нее жизнь.

– У нее был ты, – возразил Креншоу. – Ты был ее жизнью.

– Да, а мой отец попытался отнять у нее и это, разве не так?

– Многих мальчиков отправляют в школы, Джайлз, – мягко заметил доктор. – Это вовсе не конец света.

– Мы теперь вряд ли разберемся в той трагедии. – Джайлз вернулся к окну и всмотрелся в темноту. – Давай займемся этой: возможно, сумеем найти виновного.

– Да, конечно. Я чем-то могу помочь?

Джайлз хотел узнать, что его друг думает о смерти Элиаса. Креншоу был хорошим доктором, достойным продолжателем дела отца, и ему можно было доверять.

За рюмкой бренди Креншоу объяснил, как в день смерти Элиаса оказался в замке.

Это был день открытия осенней ярмарки, и один из слегка подвыпивших лакеев Кардоу бежал по деревне и во всю силу легких орал, что майора убили. Тогда, схватив саквояж, Креншоу бросился наверх по холму в замок, но оказалось, что надежды нет, а вскоре прибыли констебль и местный мировой судья. Окно библиотеки было открыто, что неудивительно, потому что день выдался теплым, но никаких признаков насильственного вторжения в замок не обнаружили.

– Джеф, а кто нашел моего дядю? – спросил Джайлз, стараясь все осмыслить.

– Думаю, миссис Монтфорд, – после небольшой паузы ответил Креншоу.

– Она слышала выстрел?

– Полагаю, она приняла его за хлопушку в деревне. Она обнаружила, что майор мертв, когда принесла ему поднос с чаем.

– Боже милостивый!

– Но дело не в этом, – резко сказал Креншоу, наклонившись вперед. – Ему выстрелили в грудь. Он видел убийцу и даже не защищался.

– В грудь? – Джайлз поставил рюмку и с трудом перевел дыхание. – Джеф, ты же не думаешь...

– Даже мысленно не произноси это, – покачал головой Креншоу. – Ты слишком хорошо знаешь, к чему приводят такие разговоры. Кроме того, оружие не найдено.

– А как у него было со здоровьем? – Запустив руку в волосы, Джайлз размышлял над словами друга. – Может, он был в отчаянии, поэтому покорно принял смерть?

– Оставляло желать лучшего, – откровенно сказал Креншоу. – Виски и бренди в немерном количестве сделали свое дело, а лечиться он категорически не хотел и бросить пить отказывался. К тому же ничего не ел.

– Я совсем ничего не знал об этом, – признался Джайлз и печально улыбнулся. – У него не было ничего, кроме репутации героя.

– А разве это не самое ценное на свете? – удивился Креншоу и выразительно развел руками. – Безусловно, он не заслужил, чтобы его темной ночью закопали в могилу без христианской молитвы. Это дикая отсталая деревня. Еще десять лет назад самоубийц хоронили на перекрестке дорог, протыкая сердца осиновыми кольями. Пусть церковь обеспечит майору достойное погребение, а об остальном предоставь беспокоиться полиции.

– Ты уверен, что это убийство? – вздохнул Джайлз.

– А что же еще, если оружия нет, а в доме не было ни души? Кто-то просто воспользовался ситуацией – возможно, цыгане – и решил поживиться. Они, может, и не знали, что майор остался.

– Дом был пустой? – Джайлз в упор посмотрел на друга.

– Миссис Монтфорд дала всем выходной из-за ярмарки, – после минутного колебания ответил Креншоу.

– Странно, – заметил Джайлз. – Насколько хорошо ты ее знаешь?

– Не лучше, чем любого другого в Кардоу, – опять немного помолчав, сказал доктор. – Она несколько... надменная, возможно, упрямая, но как работнику ей нет равных. Достаточно только взглянуть на дом, чтобы это понять. До ее появления здесь замок был похож на сви... – Креншоу запнулся и слегка побледнел.

– Свинарник, – сухо закончил за него Уолрейфен. – Да, я знаю. Миссис Монтфорд регулярно писала мне и жаловалась. Преобразования, конечно, потрясающие. Теперь здесь благодаря ей стало даже как будто теплее.

– Издавна Кардоу было одним из самых заметных английских имений, – натянуто улыбнулся Креншоу. – И вот опять замок выглядит также достойно, как раньше, и ни у кого не вызывает сомнений, чья это заслуга.

– Скажи мне, дружище, а что известно об этой женщине? – Граф задумчиво пригубил бренди. – Она... была ли она... хм... любовницей моего дяди?

– Ничего не могу сказать по этому поводу: никогда не задавался этим вопросом, – да и не мое это дело. – Все краски исчезли с лица Креншоу.

– Да-да, но что говорят? – настаивал на своем Джайлз. – Как ты сказал, деревушка-то маленькая, все друг друга знают.

– Верно, – кивнул Джеффри, сосредоточенно глядя в рюмку. – Именно поэтому нельзя верить и половине того, что слышишь. Поначалу да, были разговоры, что у нее связь со старым чертом – прости, Уолрейфен, – да и мне казалось, что майор питает к ней нежные чувства: ей единственной он позволял вмешиваться в его жизнь. К тому же вскоре после ее появления здесь майор прекратил... хм... свои похождения.

– Ты хочешь сказать: общение с проститутками? – уточнил Уолрейфен.

– Да, именно так, – хмыкнул Креншоу. – Он все больше оставался дома, и я полагаю, не по причине возраста или невменяемого состояния. Пьянство никогда пагубно не воздействовало на его... э-э... силу, если ты меня понимаешь.

– Думаю, понимаю, – криво усмехнулся Уолрейфен. – Скажи, Джеффри, что говорит мировой судья?

– Старый Хиггинс, естественно, подозревает миссис Монтфорд. По его мнению, она что-то скрывает, да и на чужака всегда проще все свалить, не так ли? Она держится обособленно, ни с кем близко не сходится и редко бывает где-нибудь дальше деревни, если только ее присутствие не понадобится кому-то из арендаторов. По версии Хиггинса, между ней и майором, возможно, произошла одна из их обычных стычек, но на этот раз вышла из-под контроля. Только вот что я тебе скажу, Уолрейфен: он ошибается, Обри Монтфорд не убивала твоего дядю.

Горячность друга удивила Джайлза, но ему почему-то хотелось с ним согласиться. Женщина, которая служила экономкой в его доме, вряд ли была способна совершить такое преступление. О, он не сомневался, что миссис Монтфорд могла бы совершить убийство, но это было бы хорошо спланированное убийство, а не совершенное в порыве бесконтрольной ярости, после которого на ковре остались пятна крови, а в доме все перевернуто вверх дном.

– Ты говоришь о ней с таким восторгом, что я начинаю подозревать тебя в предвзятости, – заметил Уолрейфен с улыбкой.

– А я и не стану этого отрицать, – признался Креншоу с мальчишеской улыбкой. – Знакомство с ней любому приятно. Согласись, Джайлз, она редкая красавица и к тому же обладает определенным обаянием, если мужчина не боится сильных, самостоятельных женщин.

– Ничего такого я не разглядел, – солгал Джайлз, изобразив равнодушие и даже пожав плечами, чтобы скрыть смешанные чувства к миссис Монтфорд.

Она его раздражала, он не мог смириться с ее острыми замечаниями и надменностью, граничащей с презрением, но от него не ускользнули искорки юмора, временами сверкавшие в глазах, остроумные комментарии, и это держало в узде его гнев, хотя голос смягчить не могло.

И Креншоу не преувеличивал – она обладала не только редкой красотой, но и живым умом, умела мгновенно находить ответы на самые каверзные вопросы. Ее зеленые глаза сверкали как изумруды, лицо покрывалось нежным румянцем, когда она злилась, но старалась держать себя в руках. А густые рыжие волосы, которые каким-то образом ухитрились выбиваться из-под покрывавшего их чепца, как будто старались выставить себя напоказ! Ее внешность вызвала у Джайлза удивление, поскольку его дядюшка предпочитал пышных красавиц, не блиставших ни умом, ни твердостью характера.

– Обри, – протянул Уолрейфен. – Какое странное имя. Я никогда не слышал такого. У Хиггинса имеются какие-то достоверные улики против нее?

– Ее одежда была перепачкана кровью, – снова пожав плечами, сообщил Креншоу. – Как следует из ее заявления, никого в доме больше не было. И, по словам Хиггинса, она отвечала на его вопросы совершенно спокойно. Но от миссис Монтфорд вряд ли вообще можно ожидать истерических припадков.

«И в этом он абсолютно прав», – мысленно согласился с ним Джайлз. Сегодня днем при аудиенции с ним один на один она не отступила, не проронила ни слезинки, не впала в истерику, даже голос ее ни разу не дрогнул. Его гнев, казалось, не произвел на нее совершенно никакого впечатления даже тогда, когда он пригрозил ей увольнением. Выдержке этой женщины мог бы позавидовать и мужчина. «Была ли это маска?» – задумался Джайлз. Возможно, дело не только в ее твердом характере, а, как подозревал Хиггинс, ей есть что скрывать.

В этот момент в дверь постучали и вошел Певзнер.

– Прошу прощения, милорд, – сказал дворецкий. – Я не знал, что здесь доктор Креншоу.

– Певзнер, что стряслось? – спросил Уолрейфен, когда тот уже почти закрыл за собой дверь.

У дворецкого был такой вид, словно он только что нашел на обеденном столе дохлую крысу. Он вошел в комнату и, бросив на Креншоу настороженный взгляд, закрыл дверь.

– С сожалением должен доложить вам, сэр, что исчезли карманные часы вашего дяди.

– И что, дорогие часы? – уточнил Джайлз.

– Да, сэр: из чистого золота, украшенные сапфирами. Майор Лоример очень дорожил ими и всегда держал в шкатулке на туалетном столике. Я собирал его вещи, но часов нигде не обнаружил. Боюсь, их украли.

– Я сообщу об этом Хиггинсу. Благодарю вас за усердие. – Уолрейфен знал, что материальные ценности ничего не значили для Элиаса.

– Если они не найдутся в ближайшее время, – не отступал дворецкий, – я думаю, следует обыскать весь дом.

– Конечно. Организуйте это, Певзнер. – Джайлз нетерпеливым жестом отпустил дворецкого.

– Мне тоже пора. – Креншоу резко поднялся, когда Певзнер, кивнув им, вышел. – Моя помощь больше не нужна?

– Нет, Джеф, спасибо. – Джайлз протянул было другу руку для пожатия, но вдруг передумал. – Подожди, есть еще кое-что. Огилви сортировал почту, и среди писем оказалось одно адресованное тебе. – Подойдя к столу, он стал перебирать стопку конвертов. – Вот, – он протянул доктору коротенькую записку. – Огилви нашел его на столике у двери в большом зале. В суматохе кто-то, видимо, положил туда всю пришедшую в Кардоу почту.

– Почерк миссис Монтфорд, – сказал Креншоу, рассматривая сложенный лист бумаги, и, сломав печать, бегло прочитал послание, а затем передал его Уолрейфену.

– Удивительно, – сказал Джайлз, прочитав записку. – Миссис Монтфорд просит вас прийти в замок и осмотреть моего дядю? Причем, как она пишет, он согласился на это, чему верится с трудом.

– Зачем бы ей лгать? – вступился за нее Креншоу. – Это было написано утром в день смерти майора. Она и представить не могла, что на следующий день его не будет в живых. Нужно обладать недюжинным талантом, чтобы заранее спланировать такое и ничем себя не выдать.

Миссис Монтфорд обладала многими талантами – Джайлз лично удостоверился в этом, – но чтобы убить? Нет.

– Конечно, ты прав, так чтохвати эту записку с собой: мне хватает и собственной корреспонденции.

– Я рад, что ты не утратил своего сарказма, – ухмыльнулся Креншоу, засовывая лист бумаги в карман, и, пожав Джайлзу руку, направился к двери.

– Подожди, Джеф! – остановил его Уолрейфен. – Может, пообедаешь с нами? Вот-вот приедут родственники из Бата, и я, честно говоря, чувствую себя неуютно в одиночестве.

– Сабрина, Сара и Сьюзен? – с сочувствием взглянул на друга Креншоу.

– Мне кажется, Сильвия, Сибилла и Серена. Или Сандра? Я не могу отличить их друг от друга. И конечно, тетя Харриет.

– Извини, старина. – Креншоу кивком указал на испачканный кровью рукав пальто и весело подмигнул. – Сейчас я не слишком презентабелен.

Хотя никто и не догадался бы об этом, увидев ее, но к пяти часам Обри совершенно извелась от беспокойства. Мало того что умудрилась разгневать своего работодателя с первой же встречи, так еще предстоит организовать официальный обед, на котором будут присутствовать почти все родственники Лоримера.

Обходя один за другим залы для официальных приемов, Обри придирчиво разглядывала полы, обстановку и занавеси, то и дело останавливаясь, чтобы расправить складки или переставить цветы. Все должно быть безупречно, изысканно, как прежде, – эту цель она поставила не только перед всей прислугой, но и перед собой в первую очередь, не желая доставлять графу

Уолрейфену удовольствия убедиться, что его экономка оказалась не только неучливой, но еще и неумелой.

Покончив с осмотром гостиных и холлов, Обри направилась в главный обеденный зал, где служанки должны были навести идеальную чистоту, перед тем как лакеи начнут накрывать стол. Ее встретили распахнутые настежь двери, а изнутри доносились громкие голоса, что было совершенно неприемлемо. Остановившись у порога, Обри увидела в конце зала Бетси, которая полировала и так уже начищенные до блеска фигурные настенные канделябры, в то время как Летти и Ида особенно не утруждались: стояли у окна, выглядывая из-за занавесей в сад и сплетничали.

– Ну и как тебе его сиятельство? Немного изможден: темные круги под глазами, но вообще привлекателен, правда?

– А Бетси говорила, что лорд Уолрейфен велел миссис Монтфорд разместить леди Сесилию в ее прежних апартаментах, – услышала Обри шепот Иды. – Тебе не кажется это странным? Весь багаж пришлось переносить.

– Фу, Ида, – фыркнула Летти, – ты зеленая, как трава, а еще из Лондона!

– Да что такое я сказала-то? – явно обиделась Ида.

Обри понимала, что следует вмешаться, но ноги ее словно приросли к полу.

– Скажем так: лорду Делакурту лучше покрепче запереть на ночь дверь в спальню своей жены, – пояснила Летти, еще немного отодвинув занавеси. – Всем известно, что хозяин по-прежнему страдает по ней. Ты только взгляни, какими глазами они смотрят друг на друга!

– Ой, перестань! По мне, так ничего особенного! И потом, разве она вышла замуж за этого старика?

– Ага, конечно, как бы не так! Это все только потому, что старый лорд набросился на мистера Уолрейфена, – снова хихикнув, возразила Летти. – А женился он просто назло. Отвратительный был тип! Вечно хватал и щипал где не положено.

– Замолчи, Летти! – шепнула Ида. – Ты что, хочешь, чтобы нас кто-нибудь услышал? Да хоть миссис Монтфорд...

– Боюсь, уже поздно, – тихо сказала Обри, входя в комнату. – Ида, Летти, что здесь происходит?

– Ничего, мадам, – ответила Летти, когда девушки испуганно разом повернулись в ее сторону.

– А мне показалось, что вы сплетничали, причем о своих хозяевах, что отвратительно. Если вы здесь закончили, спускайтесь вниз: поможете лакеям чистить емкости для охлаждения вина.

Подхватив свои тряпки и ведра, служанки бросились прочь, как пара напуганных кроликов, а Бетси, закончив свою работу, подошла к окну, поставила на пол ведро, и комната сразу наполнилась острым запахом яблочного уксуса.

Выглянув в окно, Обри увидела, что лорд Уолрейфен все еще прогуливается по саду под руку с леди Делакурт. Сесилия смеялась, запрокинув голову, так что заходящее солнце играло в ее волосах. Уолрейфен, должно быть, рассказывал ей что-то смешное. Это было весьма странно – ведь в доме траур. Вот они остановились, он сорвал веточку с ближайшего куста и воткнул ей в волосы, при этом с необыкновенной нежностью слегка коснувшись щеки. Они были прекрасной парой: оба такие молодые и красивые, что их можно было принять за жениха и невесту.

– Откуда эти сплетни, Бетси? – недовольно спросила Обри, поглощенная сценой в саду. – Они говорили... это возмутительно... о его сиятельстве и леди Делакурт.

– Что ж, вы правы, – спокойно сказала Бетси, тоже глядя в окно. – Полагаю, Летти следует держать рот на замке, но она ничуть не лжет.

– Ах вот как... – озадаченно проговорила Обри и, непонятно почему смутившись, плотно задернула шторы.

Родственники Джайлза из Бата приехали в Кардоу незадолго до обеда, прием пищи превратился в затяжной напряженный ритуал, наполненный бесконечным количеством вопросов, на которые у Джайлза не было желания отвечать. Тетя Харриет и ее незамужние дочери были ужасными сплетницами, а отец семейства Майлз, напротив, не произнес ни слова. Но спасибо Сесилии: она умела пустой болтовней с изяществом отражать большинство неприятных вопросов, и ее мужу, который без зазрения совести флиртовал с самой тетушкой и ее дочурками, пока точно по расписанию не были поданы все семь блюд.

Такое обслуживание стало для Джайлза еще одним сюрпризом. Он ожидал самого худшего, полагая, что слуги не привыкли заботиться ни о ком за исключением дяди Элиаса, у которого, разумеется, не было никаких запросов. Как было известно Джайлзу, большая часть прислуги понятия не имела о правилах обслуживания гостей, однако ни к одной мелочи, начиная от великолепно отглаженной скатерти и кончая послеобеденным портвейном, нельзя было придираться. И он отлично понимал, чья это заслуга.

Наконец-то обед закончился, и Джайлз получил возможность уйти в китайскую спальню, чтобы погрузиться в беспокойный сон. Проснулся он рано, едва забрезжил рассвет, накинув халат, позвонил, чтобы ему принесли кофе. Еще накануне вечером прибыл посыльный из Уайтхолла, и Огилви наверняка уже приготовил ему на просмотр груды рабочих бумаг. На девять часов у него назначена встреча с мировым судьей. Хотя твердое намерение разыскать убийцу дяди и не поколебалось, Уолрейфен очень не хотел иметь дел с бюрократической машиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.